

КРОКОДИЛ

№ 9 • МАРТ 1975

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО МЕХАНИКА ИЗ ДЛИТЕЛЬНОЙ КОМАНДИРОВКИ
(почти по Рембрандту)

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Бор. ЮДИН

ВОТ ТО-ТО И ОНО-ТО!

Наш городок хоть невелик,
Но есть и горсовет, и РИК,
Есть почта, парк культуры...
Культурой нас не удивишь,
Хотя на площади, глядишь,
Порою бродят куры.

Предгорсовета новый наш
Горяч. Уж коли входит в раж,
Ну просто землю роет.
Всю душу отдает делам,
Добился он — включили в план
Немало новостроек:

Большое новое кино,
О чем мечтали мы давно,
И вход чтоб был шикарный..
И крытый рынок овощной,
И баню новую с парной,
И новую пекарню.

Решил наш председатель так
(Планировать он был мастак):
«По плану новостроек
Объекты будут вырастать.
Пусть вырастают — им под стать —
Строители-герои.

Нам не искать их днем с огнем,
Их будет больше с каждым днем,
Не сбиться бы со счета...
Их — и на фото и в печать...
Что тут гадать, с чего начать!
Начнем с Доски почета,

Есть, правда, старая доска,
Но поглядишь — берет тоска:
Фанерный лист окрашен.
А надобно любой ценой,
Чтоб вид иной, масштаб иной,
Не то, что было раньше».

Вот раздается громкий клич:
«Даешь цемент!.. Даешь кирпич!..
И мраморную крошку!..»
Она — почетная доска,
И строить нужно на века,
Всерьез. Не понарошку.

Чтоб каждый был в работе смел:
И устранял любой пробел
И каждую помеху.
— А как там рынок овощной!
— Как баня новая с парной!
— Те подождут. Не к спеху.

Вначале — раззудись, плечо! —
Взялись за дело горячо,
Потом горячка сникла.
Немного вырыли земли...
И стройки дальше не ушли
От нулевого цикла.

Зато закончена доска.
И широка... И высока...
Краса архитектуры!
Под ней — гранитный постамент,
Она стоит, как монумент
И как венец культуры.

Держал сам председатель речь,
Что надобно успех сберечь.
А где ж они, герои!
Пускай — уж это не секрет —
Пекарни нет, и бани нет,
И нет кино, и рынка нет,
Но доску кто-то строил!

Кого-то кто-то обгонял,
И планы перевыполнял,
И отличился кто-то...
Видать, доска была нужна:
Так занесем их имена
На ту Доску почета.

Вот то-то и оно-то!

Г. ЩЕГЛОВ, специальный корреспондент Крокодила

Время от времени на кино- и телеэкранах появляется расхожий кадр из области полярной экзотики. Ликующий заснеженный пастух в роскошной малице и превосходных унтах балуется арканом посреди тундры, в окружении глухого частокола оленьих рогов. Иногда кадр сдабривается вертолетом: прилетели врачи в тех же меховых доспехах. Иногда прилетает просто девушка из Прибалтики. Она мучительно размышляет: не породниться ли ей с каким-нибудь древним чукотским родом?

Когда я приехал в кольскую тундру, был явно не фотосезон. Средь бела дня стояла глухая полярная ночь, снимать можно было только со «вспышкой». И поэтому мой рассказ об увиденном ограничен лишь словесными портретами.

Люди в малицах

К тому же оказалось, что многое просто невозможно заснять и в лучах незаходящего полярного солнца. Ну, скажем, изделия из оленьего меха — те же унты и малицы, сшитые предприятиями Мурманской области. Приезжие, деловито шагнув через полярную романтику, прямо в чащу рогов, обязательно поинтересуются: «Почем из меха, к примеру, шапки?»

На этот вопрос я могу сейчас ответить откровенно: около двадцати рублей. Великолепная шапка из камуса, стянутого с оленьих ног. Но шьют их на продажу не в кольской, а в ямало-ненецкой тундре. В саамском селе Ловозеро я наблюдал, как десять местных мастериц тщатся насытить рынок оленьими унтами. Каждая шьет за месяц восемь — десять пар. Инструмент, которым они пользуются при этом, и сейчас еще находят при раскопках первобытных стоянок.

В Мурманской области нет фабрик, специализирующихся на изделиях из оленьего меха. Саами и коми, не уповая на индустрию, шьют старинной иглой на радость себе и к вящему восторгу заезжих фоторепортеров прекрасные малицы и все такое прочее.

Зимой в малице уютно, как дома. Она надежно укрывает от злых метелей и холодов. Но старый пастух коми Иван Чупров из совхоза «Тундра» вмиг развеял мой неуемный восторг. Потому что малица — это все же не дань капризной полярной моде, а, выражаясь будничным языком, рабочая одежда. По весне от туманной сырости она встает колом, пригибает к земле пудовой тяжестью. И роскошный мех топорщится драной кошкой. Пастух Иван Чупров ждет от нашей швейной промышленности летнего специального костюма из прочной водоотталкивающей ткани, в котором он куда охотней позировал бы перед фотокамерой.

Поэтому не будем винить фоторепортеров в традиционном однообразии сюжетов. Кроме малицы, им просто нечего порой показать. Оленеводы совхоза «Тундра» ждут и легких передвижных домиков, которые им уже давно обещали. А пока они обходятся типовым шалашом «кувакса» собственного производства. Правда, вместо шкур жерди ныне покрыты брезентом, и такое жилище выглядит довольно нефотогенично.

Стоят на приколе мотонарты «Буран». Хоть дают они до семидесяти километров в час, далеко на них не уедешь. Ремни вариантов рвутся чуть ли не на каждом километре. За все эти ремни надо бы дать одного хорошего ремня их производителям. Пока же пастухи в сердцах стегают ими оленей, запряженных в мотонарты.

С апреля по ноябрь гуляет Иван Чупров со стадом за сотни километров от родного дома. Зимой олени подходят поближе, и тогда можно чаще навещать семью. Сняв малицу и облачившись в обыкновенный костюм, обыкновенный пастух с наслаждением пьет чай из обыкновенного тульского самовара.

Когда изо дня в день живешь в брезентовой «куваксе», под которую так и норовит прокрасться талая вода, самой настоящей экзотикой становится обыкновенная домашняя постель.

Зов предков

2,3 миллиона оленей — три четверти мирового стада — гуляет по нашим северным просторам. Прежде всего предстоит решить: от кого, собственно, охранять оленей?

Я не знаю, собираются ли в Мурманске ставить памятник их давнему врагу — обыкновенному волку, как это уже сделали в одной западной стране. Во всяком случае, все основания для этого и здесь уже есть. Как сказали мне ответственные товарищи из областного управления сельского хозяйства, волков на Кольском полуострове теперь не осталось. Бывает, правда, что по старой памяти забредают из северной Карелии отдельные несознательные твари, но забираться далеко в тундру они не отваживаются.

Отныне у кольских оленей осталось три главных врага: одичавшие псы, сбежавшие из городов и весей, пожары в тундре и браконьеры. Из-за беспечности местных властей псы превратились в сущее бедствие. Утратив все, чему терпеливо обучало их веками человечество, они, повинуясь зову предков, подобно диким собакам динго, собираются в грозные стаи и нагло пожирают оленей, не делая никаких различий между домашними и вольными копытными. С борта вертолета можно было бы отснять немало соответствующих сцен. Потому как пешим порядком к стаям полярных динго не осмелится приблизиться даже самый отчаянный любитель экзотики.

Шашлык по-браконьерски

Но еще куда опасней полярных динго браконьер. Он намного мобильней пеших оленьих пастухов, вооруженных сыромятным арканом. Он хищничает в тундре, врываясь в нее на государственном вездеходе, одолженном под честное слово и под нечестное мясо в соседнем автохозяйстве, воровато скользит на мотосанях туда, куда еще совсем недавно можно было добраться разве что на сером волке.

Несколько километров бежал пастух опытного хозяйства Петр Глухих за грузовиком с предусмотрительно замазанным номером, увозящим средь бела дня семь оленьих туш из его стада. Но один в тундре не воин. Ведомственной охраны, чтобы оберегать все, что может двигаться и даже просто ползать, здесь нет. Страх браконьеру неведом, поскольку это состояние не поддерживается в нем буквой закона. Он может с невинным видом сказать, что принял домашнего оленя за дикого. Хотя дикий — существо недоверчивое и гордое. Он никогда не клюнет на хлеб, которым приманивают одомашненного оленя, чтобы застрелить в упор.

Браконьер пускает заранее приготовленную слезу. Ему и на самом деле жалко. Израсходованного патрона. Потому как домашнего оленя можно убить обыкновенным охотничьим ножом. Он уверяет, что это-де только в первый раз, что его бес попутал. А за первый раз порой следует лишь отеческое внушение.

Право, если бы запретить всякую охоту на оленьих пастбищах, ни у кого не было бы соблазна ловить оленя на хлеб, как судака на мормышку.

Люди без малиц

Еще один кадр: директор Мурманской опытной оленеводческой станции О. П. Рапопорт на фоне оленей. Если бы его даже удалось

— Будь внимательна, если попадут толковые, не выкидывай!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

С. КОМИССАРЕНКО

Рассказ

Серьезная ситуация

Сегодня технолог Петушанский стал обходить сослуживцев прямо с утра. Слева направо.

— Дайте чего-нибудь, — просит.— А, братцы?

— А много тебе? — спрашивает наш расчетчик.

— Да хоть бы на сегодня хватило, а лучше б и на завтра,— оживляется Петушанский.— И вообще чем больше, тем лучше!

— Иди-иди подальше,— привычно гонят Петушанского (слева направо).— Тут не разживешься!

— А что ему, собственно, надо? — не отрываясь от доски, спрашивает конструктор Савушкин.

— Будто не догадываетесь,— отвечают,— что может клянчить у всех Петушанский. Работу, конечно!

— Нет у меня ничего такого,— на всякий случай заявляет Савушкин.— И вообще у каждого своя работа! А где, собственно, твоя работа, Петушанский?

— Сделал уже,— грустно сообщает тот.— Взялся этак и незаметно прикончил. Да мне до первого числа только одолжить, братцы! А первого получу новое задание, тут же отдам. Честное слово!

— Беречь надо было работу,— говорит Савушкин.— Как зеницу ока!

— А почему, собственно, такая ситуация? — интересуется кто-то из новичков.

— Видите ли,— объясняют ему,— недавно у нас всем отделом решили бросить курить для сохранения здоровья. Второй месяц уже не ходим в курилку. Ну и стало не хватать работы... Со временем, конечно, поправят положение, а пока прямо дефицит с этой работой! Впрочем, один у нас не бросил курить — Пальмов, старший техник.

— Может, он тебя выручит с работой? — посоветовали Петушанскому.

Тот сразу побежал в курилку.

— Только и делаю, что выручаю вас,— сказал Пальмов и, закурив, добавил: — Только учти, даю работу под проценты.

— Это как же?

— Ты, значит, сделал, а процент выполнения записывается мне. Согласен на такие условия?

— Конечно, конечно! — просиял Петушанский.

— Учти, последнюю отдаю! В ущерб здоровью!— Пальмов затушил папиросу и тут же, щелкнув зажигалкой, закурил новую.

— Товарищ из центра приехал — ему первое слово.
— Значит, так — вернулся муж с курорта...

Рисунок Г. и Б. КАРАВАЕВЫХ

Олень за кадром

со стр. 3

отснять, это был бы искусный фотомонтаж: станция находится в нескольких оленьих переходах от пастбищ и саамских совхозов. И не обременена никакими договорными связями с хозяйствами.

Двух предшественников нынешнего директора — Н. Ф. Лайшева и В. С. Федотова — мурманские олени вывезли из тундры к вершинам диссертаций. После этого на станции они не показывались. Рапопорт приехал в тундру на поезде, с дипломом доктора наук. И как-то само собой вышло, что олени лично его уже не интересовали. На четырнадцать научных сотрудников сейчас осталась одна «оленья» тема. Из четырнадцати разделов исследований лишь четыре посвящены рогатым детям тундры.

В Ловозере — центре оленеводческих совхозов — существовала опорная группа станции. Потом она откочевала под Мурманск.

Под следующим кадром можно было бы дать подпись: «Все в прошлом». В долгие полярные вечера старожилы станции ударяются в воспоминания. О том, как еще лет восемь назад сотрудник С. П. Попов разработал технологию копчения оленины. И как вкусно было соединить достижения науки и практики. Хотя местный мясокомбинат так и не побаловал этим тонким изделием массового гурмана.

Когда-то здесь опытничали в борьбе с оводом, нахально пожирающим до 80 процентов оленьих шкур. А сейчас станция уповает на зарубежные патентованные препараты, которые страна вынуждена закупать на валюту и которых все-таки не хватает. Вспоминают, как пытались испытать легкий передвижной домик для оленеводов и как потом внутри все развалилось...

Вспоминают, что еще была идея насчет строительства изгородей для выпаса оленей...

Секретарь Ловозерского райкома П. П. Гуляев уже, в свою очередь, вспоминает, что эту идею ученые выдали, так сказать, в голом виде. Изрекли: стройте — и все тут. Хотя предстояло решить задачу со многими неизвестными: как строить, где строить и, между прочим, из чего. И если из области воспоминаний мы перенесемся в сегодняшний день, то увидим, что деревянные столбы (как-то не гармонирующие с пейзажем сырой тундры), простояв всего несколько лет, уже начали валиться, не выдержав разлуки с научной мыслью. Тем самым смелый эксперимент поставлен под сомнение: достаточно ли двух тысяч рублей, вложенных в строительство одного километра полярной изгороди, или надо ассигновать еще?

Впрочем, это уже практика.

Со многими неизвестными

Должна ли оставаться профессия пастуха такой, какой существует тысячелетия? Брести ли понуро ему и впредь вслед за стадом по топким болотам, как ходили его древние предки сотни лет назад, ночуя на снегу, отбиваясь от звенящего гнуса и прочей нечисти, разлучаясь на целые месяцы с родным домом и семьей?

Или все-таки исчезнет древняя профессия пастуха в ее нынешнем понимании? И потомки нынешних оленеводов с вертолета или с того же вездехода будут лишь время от времени наблюдать за передвижением тысячных оленьих стад, выпасающихся вольно, за надежной изгородью, протянувшейся на сотни километров до самого Белого или иного моря?

Насчет оленьего будущего существует куча научных прогнозов. Одни горько сетуют, что из-за потворства человека домашний олень ныне деградировал и выродился в этакого изнеженного капризулю, с которого и шерсть лезет и измельчал он в сравнении со своими дикими сородичами. А посему надо гнать его в три шеи от человека в целях повторного одичания и впредь не приручать, а лишь охотиться. Другие же уповают на племенное дело, которое должно возродить домашнего оленя, вернуть ему бравый, лоснящийся вид. Они хотят не отлучать его от человеческого очага, а, напротив, держать за изгородью.

Но, как поведал мне начальник управления науки по животноводству Министерства сельского хозяйства РСФСР Г. Г. Антиох, никаких серьезных перспективных программ насчет устройства оленьих судеб у министерства пока нет.

Прощаясь с Глебом Григорьевичем, я спросил: не подарит ли он в таком случае хоть какой-нибудь групповой снимок работников Министерства сельского хозяйства и Министерства совхозов, собравшихся вместе, чтобы потолковать об оленьем житье-бытье? Поскольку в ведении у первого министерства — единственная в мире опытная станция, а у второго — оленеводческие хозяйства.

Но тов. Антиох смущенно извинился за отсутствие подобных сюжетов. Каждый бредет по тундре своим путем, порой отставая от пастуха в тяжелой малице на несколько переходов.

Я не знаю, как будет выглядеть кольская тундра этак лет через пятнадцать. Но верю, что наш век внесет и в оленье стадо кое-какие приметы современной науки хозяйствования.

Правда, тогда в тундре почти не останется экзотики. Но, честное слово, человек в малице не будет об этом сожалеть. Здесь всегда будет что фотографировать!

Юрий БЛАГОВ

МЕЛКИЕ ДРЕБЕЗГИ

ПОМОГИТЕ!

— Бывший муж мой —
хуже негодяя,
Бывший муж мой —
злое существо,
Проклинаю вечер тот,
когда я
В первый раз увидела его.
Он бездельник, жулик,
слякоть, плесень,
Алкоголик, бабник, просто
жуть...
— Чем же я могу быть
вам полезен?
— Помогите мне его
вернуть!

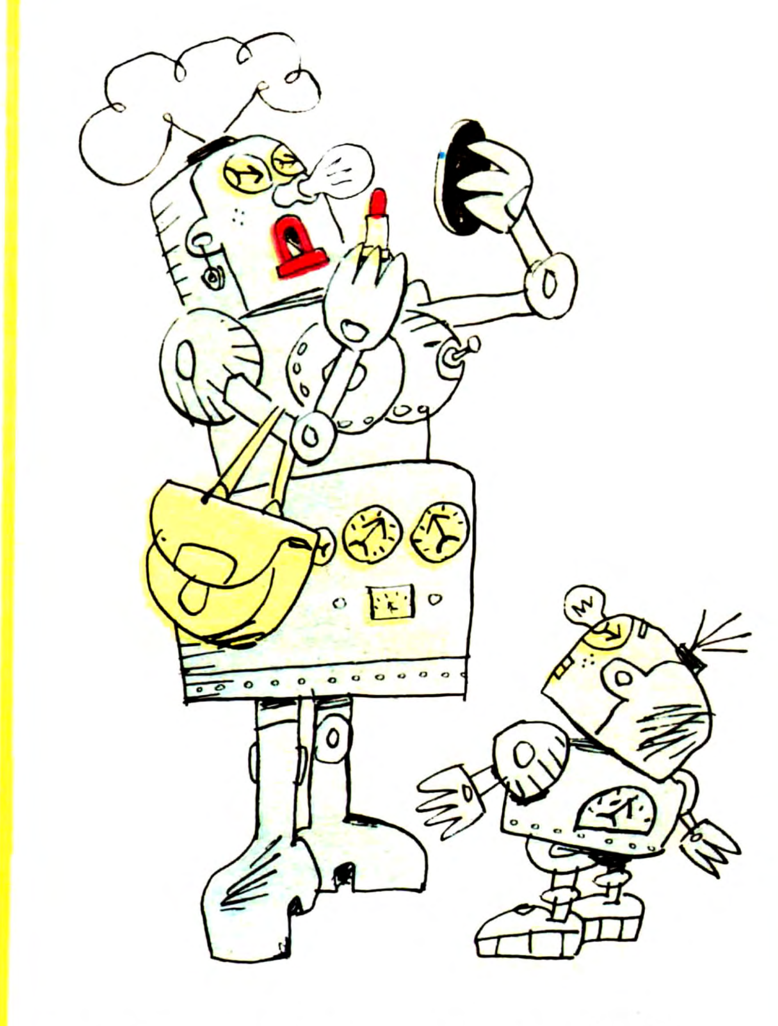
ВМЕСТЕ С ПЕСНЕЙ

В одной
Пивной
Звучит всегда:
«Вода, вода,
Кругом вода»...

НЕСПЕТАЯ ПЕСНЯ МОЯ

Пришел я к ненаглядной
Богине под балкон
Поведать серенадой
Про то, как я влюблен.
Но выразилось в стоне
Все творчество мое:
Богиня на балконе
Развесила белье...

— Мама, откуда берутся маленькие роботы?

— Их находят в металлоломе.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

В нашем цехе

Сатирическая повесть известного писателя-сатирика Бор. ЕГОРОВА «Письма Сынулина» опубликована в журнале «Урал» (№ 1, 1975 г.).

В центре повести — учреждение с массой ненужных отделов и подотделов. Основная цель руководства и служащих этого учреждения — уцелеть, приспособиться. Вот, например, как выглядит один из них: «Дружит с людьми по соображениям деловым, практическим. И приятели записаны в его алфавитной книжке не по начальным буквам фамилий или имен, а по буквам услуг, которые они могут оказать. Так сказать, что ты можешь? При чем состоишь?»

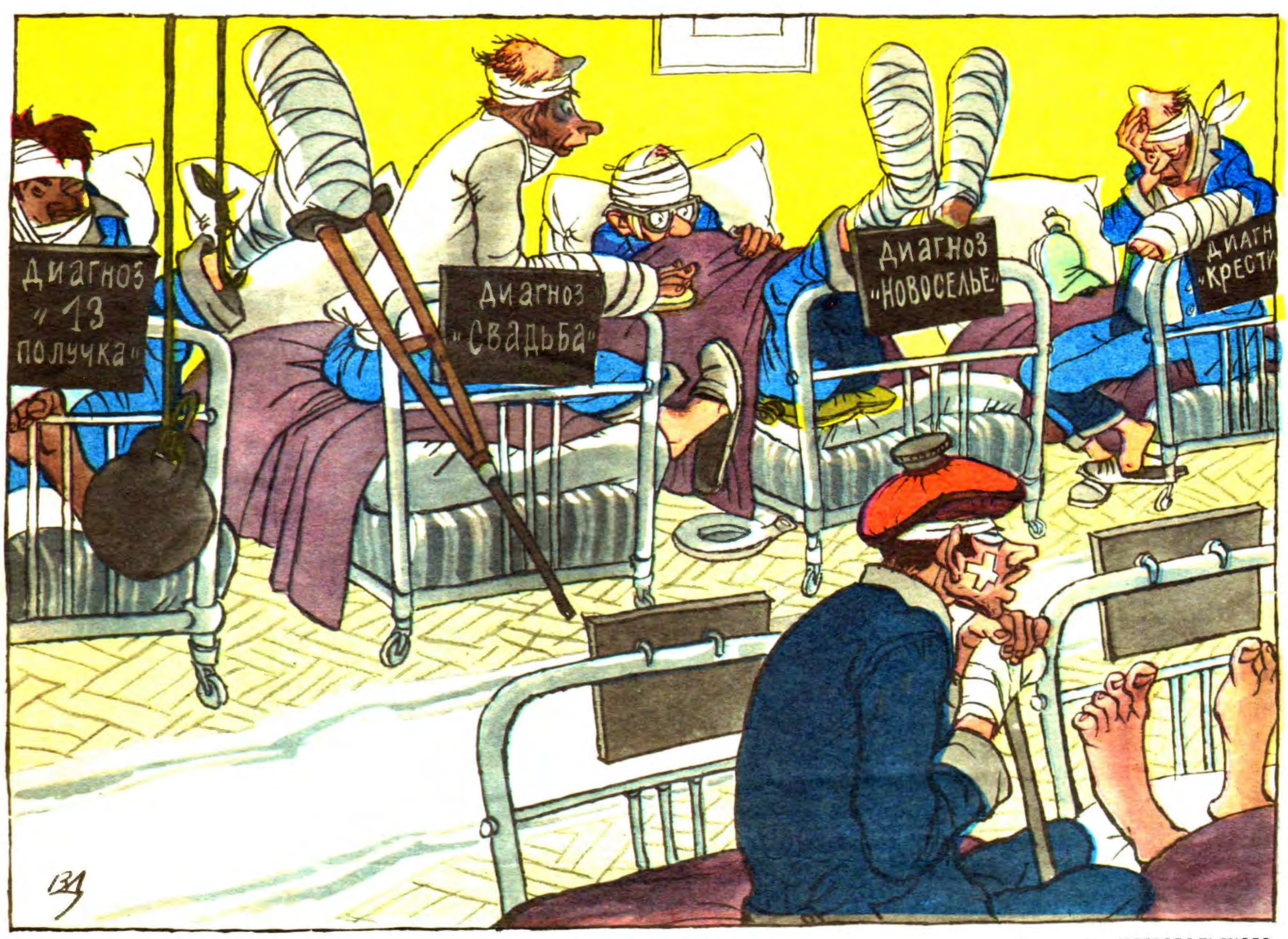
И хотя в повести знакомые все лица — бюрократы, карьеристы и стяжатели, сатирик сумел так живо и точно изобразить характеры своих «героев», что видишь их по-новому.

«ОСКОЛКИ РАЗУМА» — так назвал свой альбом карикатур эстонский художник Кальюо КУРЕПЫЛЬД. Мы перепечатываем рисунок из этого альбома, вышедшего в издательстве ЦК КП Эстонии.

ДЕНЬ ПОЛУЧКИ СВЕРХТРЕЗВЕННИКА

ТОЧНЫЕ ДИАГНОЗЫ

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Борис ЛАСКИН

Рассказ

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Направляю вам это свое письмо с целью внести полную ясность в одно дело, которое вообще-то чистый пустяк, но у вас может сложиться неверное представление о моральном облике как моем, так и моей супруги.

Как известно, в прошлую субботу, Мартын Иванович, я находился в однодневном доме отдыха «Калинка». Вместе со мной там была и моя супруга Лина Павловна — сотрудница аптеки № 83, где она работает фармацевтом. Лина Павловна — высококвалифицированный специалист, но, к сожалению, не обладает стопроцентным зрением в силу своей близорукости. Она не так хорошо различает вблизи отдельные предметы и пользуется очками, поскольку фармацевт, как и сапер, не имеет права ошибаться.

Наши семейные отношения, Мартын Иванович, развиваются нормально, и мы не даем друг дружке никаких оснований сомневаться в моральности и других положительных моментах нашей совместной жизни.

А теперь разрешите перейти к тому факту, из-за которого мог бы в дальнейшем произойти небольшой сыр-бор.

Находясь в вышеуказанном доме отдыха, я примерно в восемнадцать часов зашел в бильярдную с целью некоторое время поиграть. Уже во время игры я увидел, что на соседнем столе и вы тоже играете. Как старший товарищ, вы меня, возможно, и не заметили, но я-то видел, как вы, сняв пиджак, в белой тенниске красиво и исключительно метко кладете шары.

Во время моей игры подошла Лина Павловна и обратилась ко мне с такими словами: «Толя! Сегодня интересный кинофильм. Давай сходим». Я сразу ответил, что не возражаю. Лина Павловна спросила: «У тебя с собой деньги есть?» Я ответил, что есть, и сказал, что она может их взять в нижнем кармане пиджака, который висел тут же в бильярдной на спинке стула.

Я не зря заострил ваше внимание на том факте, что Лина Павловна носит очки. Она сунула руку в карман пиджака, но денег там не нашла, но нашла, как мне после стало известно, небольшую бумажку, которая оказалась запиской следующего содержания: «Мартышка! Не делай вид, что ты увлечен игрой и меня не замечаешь. Я приехала только из-за тебя. Сделай так, чтобы мы в кино как бы случайно оказались рядом. Целую. Твоя К.»

Ознакомившись с этой запиской, моя супруга была, конечно, сильно удивлена. У нее, которую воспитал здоровый коллектив аптеки № 83, данный текст вызвал большое возмущение. Если бы она просто, как человек, сразу вызвала меня на откровенный разговор, все бы в момент прояснилось и инцидент, как говорится, был бы исчерпан. Но моя супруга пошла другим путем. Она накатала как бы от имени этой К. записку следующего содержания: «Ничтожный Мартышка! Забудь мое имя. Я приехала сюда, чтобы расстаться с тобой раз и навсегда. Прощай, Мартышка. Отправляйся обратно в зоопарк. К.».

Написав эту сатирическую записку, Лина Павловна вернулась в бильярдную, якобы желая сообщить мне, что билеты в кино еще не продаются, а на самом деле цель ее была сунуть свою записку обратно в карман пиджака.

Когда я кончил играть и вышел на воздух покурить, ко мне подошла супруга, и я сразу же заметил, что она вся красная. Я спросил у нее, в чем дело, и получил такой ответ: «Денег я у тебя в кармане не нашла». Я ей говорю: «Ты плохо искала, там должна быть мелочь». Тогда Лина Павловна говорит: «Ах, ты считаешь, что это мелочь?» И с этими словами она протягивает мне ту, первую записку. Я ее два раза прочитал и говорю, что ничего не понимаю. А супруга говорит: «Пошарь в кармане, может, еще найдешь какую-нибудь мелочь». Я, конечно, сразу же обнаружил мелочь на сумму рубль семьдесят две копейки. Когда я предъявил эти деньги супруге, она сказала: «А ты получше поищи». Я еще поискал и нашел один двугривенный.

Тогда супруга задает мне такой вопрос: «Толя, а где он висел, твой пиджак?» Я говорю: «Он на стуле висел». И тут она, ни слова не говоря, уходит в бильярдную, быстро возвращается и говорит: «Там другой точно такой же пиджак висит. Значит, я ошиблась. Что же теперь делать?.. Толя, пойди и незаметно положи эту записку в тот пиджак». Тогда я говорю: «Нет, на такое дело я не пойду. На каком основании я полезу в чужой карман?» Лина Павловна говорит: «Ничего страшного. Ты же ничего не возьмешь, а, наоборот, положишь». Я говорю: «Спокойно! Сделаем по-другому, я лучше пошлю эту записку по почте».

Посылаю записку, которая скорей всего адресована вам, Мартын Иванович. То, что написала Лина Павловна, вы, конечно, можете тут же уничтожить. Слово «мартышка», по мнению моей супруги, происходит от имени Мартын. Ее слова насчет зоопарка, безусловно, к вам не относятся. Они относятся ко мне, как к человеку, который на сегодняшний день является ее мужем.

Еще хочу добавить, что во всей этой петрушке, которая у нас с вами получилась, виновата наша швейная промышленность, которая выпускает чересчур много однотипных изделий.

На этом я заканчиваю. Желаю вам, Мартын Иванович, успехов в труде и счастья в личной жизни.

Привет вашей супруге.

таланты и поклонники

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Кладезь премудрости

А. ХОДАНОВ

Мы давно уже привыкли к тому, что жизнерадостные очеркисты из комсомольских газет только и твердят: нынешняя-де молодежь — это кладезь премудрости.

Разбудите-ка, мол, своего соседа-студента и спросите, ну, скажем, сколько воды поднял в атмосферу за последние 1700 лет вулкан Шивелуч? И вы услышите четкий, слегка разбавленный зевком ответ:

— Четыре тысячи пятьсот кубических километров, а что?

Увы, увы, увы... Да, похоже, что тем, кому сейчас за тридцать, сорок и больше, тем как-то легче жилось в их молодые годы. А ведь все оттого, что меньше знали, что не вторгались тогда наука и морально-технический прогресс в бытие столь решительно и бесповоротно.

Охо-хо, время неумолимо движется вперед, и то, что принесло когда-то знаменитому Дьердю-Джорджу-Георгию фон Хевети Нобелевскую премию, для семилетнего Эдика из Химок-Ховрино так, чепухенция. Подумаешь, какие-то там меченые атомы!

С такими вот тяжелыми и где-то даже обреченными мыслями заступил я недавно по своему обыкновению на постоянную вахту перед телевизором, приготовясь смотреть по первой программе спектакль из цикла «Наши соседи» со свежим названием «Не поле перейти».

Герои-молодожены были как с обложки журнала мод. Элегантные. Красивые. Очень домовитые. Просто какие-то совершенно милые, неотразимые семейства. Современные семейства. И надо же, в каждом из этих образцовых семейств назревает роковой скандал.

Скандал беспощадно пронизывает жизненный путь героев, приобретая, как сталь, которую раскаляют на огне, самые разнообразные, неожиданные оттенки.

Первая пара (Лена плюс Анатолий) терпит крах из-за привязанности супруга к установленному им холостяцкому порядку, который с появлением супруги ломается, как хрупкий лед в полынье от удара тяжелого равнодушного ведра.

— Лена! Мне такой порядок не нравится! — внушительно говорит супруг

— А ты делай вид, что нравится! — невозмутимо отвечает Лена и добавляет цитату, почерпнутую, несомненно, из лексикона мудрых прабабок: — Молодой муж должен все похвалить!

— Шторы давай повесь на место, — тоном прожженного свекра заключает юный супруг, — и вообще я хочу, чтобы в нашем доме был порядок!

У второй пары (Света плюс Гриша) насчет порядка все благополучно, но зато молодую семью подкашивает нездоровая, прямо-таки патологическая ревность со стороны супруга.

— Мама не звонила? — спрашивает Света, и ничего как будто не предвещает бурю, но...

— Кстати, — тоном начальника вражеской разведки, допрашивающего нашего резидента, отвечает Гриша. — Мама не звонила. Но звонил какой-то тип. Спрашивал тебя. Мужским голосом.

Оказывается, все началось с театра, где разыгрались главные события, которые открыли глаза ревнивцу-правдоискателю. Какой-то тип «пялился» на Свету, а потом нагло поднял перчатки, которые она уронила.

— Почему-то, если я роняю перчатки, — уличает муж при помощи железной логики, — посторонние женщины их не поднимают!

В отчаянии юный Гриша напоминает о своем решающем вкладе в семейный бюджет очень впечатляющей, несомненно, также почерпнутой из лексикона прадедов фразой: «Работаешь, как вол!», — после чего начинает взволнованно, почти судорожно свистеть.

События приобретают трагическую окраску. С одной стороны, разгневанная, обиженная Света, которая просит, умоляет не свистеть. С другой — черствый эгоист Гриша, который, оказывается, «до женитьбы никогда не свистел».

Тем временем скандал у первой пары молодоженов переходит в новую, еще более зловещую фазу. Острие конфликта направлено теперь на раскрытое окно, сквозь которое в квартиру проникает холод. Вначале кажется естественным, что Лена просит закрыть окно. Но потом начинаешь догадываться, какие подводные течения и водовороты могут скрываться в семье за, казалось бы, обычными и где-то даже скучными просьбами. И как же легко и непринужденно помогают они донести до зрителя информацию о начитанности Анатолия и о знакомстве его с последними достижениями!

— Свежий воздух, — четко, как на экзамене, отвечает он Лене, — убивает микробов, очищает легкие, освежает голову, вообще это прекрасно для здоровья! — И на повторную просьбу жены вкрадчиво, с нотками садиста в голосе произносит: — Что будет, если я окно не закрою?

Пока идет этот принципиальный спор, вторая молодая чета тоже вступает в новую фазу...

— Кому ты нужен, такой хилый? — интересуется Света.

— Зато молодой! — парирует Гриша, который, как все участники пьесы, представляет собой кладезь премудрости далеких предков. — Сейчас только за молодыми и гоняются! И стать во мне есть. Противоположный пол глаз не сводит! На лету сохнет!..

— С меня тоже глаз не сводят! — не отстает от мужа Света.

После этого накал страстей от усталости партнеров и общего однообразия ослабевает, и дело вот-вот грозит закончиться миром, как вдруг раздается долгожданный криминальный звонок. Звонит действительно мужчина и просит действительно Свету.

На этом пора скандалов завершается, и наступает крах.

Крах первой молодой семьи.

Крах второй молодой семьи.

И как осколки мифического благополучия врываются Гриша и Лена к «умудренным годами родственникам» — Татьяне Алексеевне и Валерию Васильевичу, дабы излить горечь разочарования.

Семейный долгожитель Валерий Васильевич долго не может понять, в чем дело. Потому что и над ним довлеет все тот же груз векового житейского опыта.

— Деньги ей все отдаешь? — допытывается он.

— До копейки! — кричит бесхитростный Гриша.

— Это хорошо! — успокаивается Валерий Васильевич.

Короче говоря, родственники дают понять, что ничего не произошло и надо активно возвращаться к очагу.

И все вроде бы образовалось...

Правда, меня на какое-то мгновение одолело сомнение: можно ли в двадцать с небольшим лет быть таким убежденным мелочным педантом и сварливым пустобрехом, как этот Анатолий, и, скажем, так подурацки и бестолково ревновать, проявляя при этом патологическую настырность и, пардон, свою тупость, как Гриша?

Но потом я отогнал эту мысль. Просто я подумал: одно и то хорошо, что все просто и доходчиво. Никакой тебе зáуми, никаких радиев-Д и всяких разных Бодлеров. И что уж совсем подкупило меня, так это всплески доброго юмора:

ЛЕНА. А вообще, конечно, если есть здоровье, о! Живи себе хоть до ста лет! Их же силой никто не разведет!

АНАТОЛИЙ. Да, конечно, сами разводятся, сколько угодно!

ЛЕНА. Дефективные?

АНАТОЛИЙ. Хе-хе-хе.

ЛЕНА. А нормальные живут себе и живут!

Как видите, наряду с остроумием здесь есть и модная «отстраненность», и правильная философия, и гимн постоянству.

Ну, а здесь уже просто бурлит здоровый народный смех:

АНАТОЛИЙ. А ты знаешь о том, что меня сейчас чуть газетами не убило?

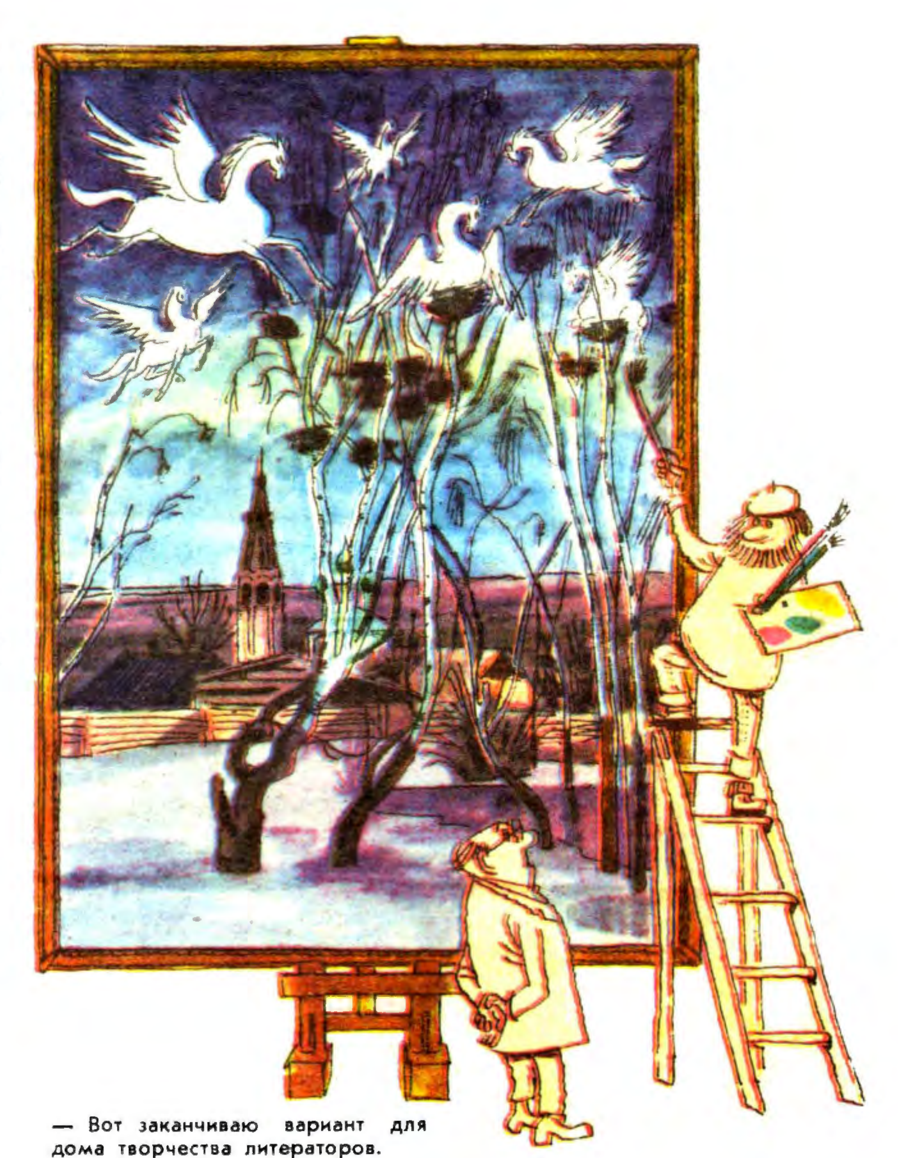
ЛЕНА. А зачем ты женился, если тебя можно газетой убить?

Досмотрев спектакль (автор пьесы А. Гуляев, режиссер Л. Танюк), я окончательно понял, что все разговоры о том, что наша молодежь необыкновенная, особенная, что кругозор ее необычайно широк и что живет она наукой, героическим энтузиазмом, а в основе поступков современных молодых людей доброта и справедливость — все это по меньшей мере спорно.

Нет-нет, я вполне согласен с авторами, что в семьях, пусть даже и начитанных, бывают и эгоисты, и упрямцы, и разойтись молодые люди могут вроде бы и по самым пустячным поводам, но ей-же-ей все они живут в XX веке, и на мыслях и на делах, по идее, не может не быть печати нашего неповторимого времени! Но это «по идее»...

Здесь же две типичные молодые семьи (ибо само название цикла — «Наши соседи» претендует на обобщение) оказались на уровне блаженной памяти праотцов, которые аккуратно придерживались Домостроя и строго руководствовались пригодными на все случаи жизни крылатыми фразами, главная из которых: «Да убоится жена мужа своего!»

Молодой человек новой формации в пьесе и не ночевал.

— Вот заканчиваю вариант для дома творчества литераторов.

ВЕСЕННИЕ ЗАБЕГИ

— Он увел у меня пегаса!

— Этой весной в моде будут шляпы с пером.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Вадим ПОЛУЯН

КАМЕННЫЕ ГОСТИ

Объявлена премьера новой пьесы.
Ждал драматург и зрителей и прессу.
У кассы — очередь, хоть целый день потратьте,—
билет ценней квартирных ордеров...
Нс что случилось!
В первом же антракте
весь зритель — не в буфет,
а — в гардероб!
И ложи дамами не блещут,
партер волненьем не кипит,
в райке никто не рукоплещет,
и тщетно занавес шумит.
В тревоге автор: «Вот напасть!
Казалось бы, воспел отвагу, ум...
На сцене негде яблоку упасть,
а в зале — вакуум!»
Вдруг видит: не пусты четыре кресла.
Надежда в авторе воскресла:
«Что там за люди! Из какой среды!»
Через балконы, сквозь ряды
он смотрит на пришельцев зорко,
Недавних страхов рвется нить:
«Великолепная четверка
шедевр сумела оценить!»
Взглянул и... храбростью не смог бы похвалиться:
по памятникам он узнал их лица.
Как прах он оживил! Чем потревожил кости!
К нему явились
каменные гости!
Вон пенится парик... лорнеты, трости...
Фонвизин! Пушкин! Гоголь и Островский!
Так это ж значит — нет провала,
коль пьеса даже классиков призвала.
Престиж спасен и труд оправдан.
Острей в сезоне не было гвоздей!
Заторопился окрыленный автор.
— Ну, как! — спросил он каменных гостей.
Островский бледен, Гоголь ал,
у Пушкина в глазах играют бесы:
— Дай руку!..
Драматург, конечно, дал
и... провалился вместе с пьесой.

Нашествие слонов на Париж

Столицу Франции постигло бедствие: три раза подряд из трех разных цирков убегали слоны и, буйствуя на улицах Парижа, разбивали магазинные витрины.

«Слон, точнее, трехлетний слоненок Йоми, убежавший из цирка «Буглион», посетил магазин мадам Серво. В то время как она с ужасом взирала на последствия этого визита, Йоми громил витрины соседних магазинов», — сообщила одна уважаемая московская газета.

«Слона по кличке Цинто ловили на улицах Парижа. Во время одной из репетиций «Уинтер сериус» эта «звезда» манежа улизнула от дрессировщика и вырвалась на волю. Больше всего слона заинтересовали витрины. «Трах! И стекло в цветочном магазине разбито...» — известила другая вполне уважаемая московская газета.

«Сбежавший из цирка «Бульоне» молодой слон поверг в ужас прохожих и посетителей магазинов в третьем жилом округе Парижа. Возбужденное животное металось по улицам, круша витрины», — информировала третья не менее уважаемая московская газета.

Потрясенный читатель ждет новых сообщений: какие еще слоны из каких еще цирков вырвались на волю и бесчинствуют на Больших Бульварах...

Н. Б.

Пляска до упаду

Самодеятельность — это скорее всего средство проявить свои артистические способности. И является, как известно, мероприятием сугубо добровольным. Почувствовали вы, к примеру, однажды среди ночи, как вдруг душа у вас запела не своим голосом, а басом Шаляпина, или, скажем, в ногах зуд — вприсядку сами идут, — добро пожаловать на сцену. Себя покажите, на людей свысока поглядите.

Но вот в Талды-Курганском районе, Талды-Курганской области, на этот счет смотрят иначе. Зарыт в вас талант или он напрочь отсутствует — не это главное.

— Главное, массовость, — заявляют руководители районного отдела культуры. — Самодеятельному искусству все возрасты покорны.

— Так оно и получается, — сообщает одна из жертв массового охвата, И. А. Колесников. — Наши учительские коллективы художественными смотрами доведены до крайнего изнурения.

Один раз дошло даже до «скорой». Об этом Иван Алексеевич Колесников сочинил такое стихотворение:

А артисты наши в пене
Скачут, прыгают по сцене.
Соответственно одеты,
Исполняют «па» в балете.

Чу! Прервался этот номер,
Дед Пахом упал и помер.
Бабка Мотря стала тоже
На Пахома вдруг похожа...

Ну, конечно, в поэтическом раже Иван Алексеевич хватил через край. Но сделал он это, как мы понимаем, исключительно в профилактических целях, дабы серьезно предупредить Талды-Курганский отдел культуры: знайте меру, граждане.

Д. СУКОНЦЕВ.

Пародия

Вячеслав СЕМЕНОВ

Туманы

Яснее ощущенье
Явления времян
В неверном освещенье...
Туман. Туман. Туман.
Давид САМОЙЛОВ.

Слова, слова, слова...
В неясном освещенье
Кружится голова,
Темнее ощущенье.

Темнее ощущенье,
Кружится голова
В неясном освещенье...
Слова. Слова. Слова.

Стихи, стихи, стихи...
Вы нынче очень странны!
Местами неплохи,
А в основном туманны.

Александр ИВАНОВ

Инцидент

В лучах готическая арка,
Колонны в мраморном
строю.
На площади святого Марка
Я, грешный Марк, в толпе
стою.
Марк ЛИСЯНСКИЙ.

Прекрасен Рим.
Народу масса,
Толпа струится как река.
И вдруг я вижу Марка Красса,
Что уничтожил Спартака.
На площади святого Марка
Колонны в мраморном строю.
Мы повстречались с ним,
два Марка,
Вот он идет, а я стою...

Подумайте: такая сволочь!
Шагает, тогу теребя...
Вдруг говорит он:
«Марк Самойлыч,
Ты здесь! Приветствую тебя!»

Но я сказал, держась
надменно:
— От имени широких масс
Я говорю вам откровенно:
Вы негодяй, товарищ Красс!

Был мой удар подобен
смерчу,
И Красс в бутылку не полез,
Пробормотал: «Ариведерчи,
Синьор Лисянский!» — и исчез.

О резкости не сожалею,
Да, я суров, непримирим.
С тех пор я за «Спартак»
болею
И не поеду больше в Рим...

Сатира в бою

Это уже всем известно: вопреки утверждению, будто музы молчат, когда говорят пушки, во время Великой Отечественной войны музы советского искусства в полный голос звучали рядом с пушками наступающих советских воинов. Сотни фронтовых бригад, сформированных из представителей различных театральных и эстрадных жанров, выезжали в армейские части, демонстрируя солдатам свое искусство, вдохновляя их своим творчеством на победу над врагом.

Конечно же, среди артистов фронтовых бригад были представители и сатирического жанра. Конечно же, шутка, веселая сценка, сатирический куплет были особенно популярны у наших бойцов. А командование Южного фронта, например, даже попросило организовать при политуправлении свой сатирический театр миниатюр — «Веселый десант».

ВЕСЕЛЫЙ ДЕСАНТ

Итак, Южному фронту понадобился свой веселый театр. Обязательно веселый! — так было сказано в письме в Москву.

С фронта прибыл человек, знающий толк в юморе. Это был писатель Владимир Поляков. Он и должен был привезти на фронт театр.

И вскоре десять артистов и их руководитель, как десант, «высадились» в расположении политуправления фронта. Владимир Поляков, ознакомившись с ситуацией, написал веселый репертуар, веселый композитор Модест Табачников сочинил немало веселой музыки, и театр начал свою жизнь.

Мы получили дребезжащую полуторку, занавес с нашитыми на нем силуэтами парашютов, два фрака, пять трофейных солдатских костюмов, три парика... Реквизит немудрящий, но это не было главным. Главное — у нас было неукротимое желание нести горячее слово, песню и смех сражающимся воинам.

Поляна, опушка, хата, блиндаж, кузов грузовика были нашей сценой. Иронический монолог, лирическая песня, куплет, клоунада, сатирическая сценка, фронтовой анекдот были в нашем репертуаре.

Вот идет представление «Феерическая комедия «Луч луны упал на ваш портрет».

Гитлеровский солдат фотографирует офицера, отвергающего все предлагаемые ему позы.

— Как же мне лучше сняться? Стоя или сидя?..

Входит советский автоматчик...— «Лежа!» — восклицает он и стреляет. Офицер падает. «И в группе!» Снова выстрел — фотограф падает...

Короткая незамысловатая сценка, а реакция точная — смех. Смех, так нужный бойцам в их нелегком ратном деле.

Заключительный номер

Известный всей стране артист читал смешной рассказ. Потом исполнительница народных песен, одетая в традиционный рязанский костюм, пела частушки. Все было на своем месте.

Только вместо концертной эстрады был трехосный грузовик, а в руках зрителей были не театральные бинокли, а винтовки и автоматы. Шел концерт на фронте.

Артисты, как всегда и всюду, волновались перед выходом. Больше всех переживал маленький, хромой циркач Джонсон, по паспорту Степанов. Он прибыл на фронт позже других артистов и на трехосной эстраде выступал впервые. Но не это волновало его и беспокоило.

Дело в том, что Степанов был артист-снайпер. Он без единого промаха гасил пулями свечи или рвал шпагат, а разбить пятью выстрелами с интервалом в полсекунды пять яиц было для него так же легко, как съесть натощак яичницу из трех яиц.

Но ведь тут среди зрителей у него было множество соперников, в совершенстве владевших его жанром!

И когда конферансье объявил его выход, Степанов поднялся на грузовик неловко, хромая больше обычного: он был, как говорят актеры и спортсмены, не в форме.

Партнерша самоотверженно держала двумя пальцами вытянутой в сторону руки спичечный коробок. Циркач целился дольше, чем всегда, и все-таки попал только в край коробки, рядом с пальцем побледневшей партнерши. Вдобавок вместо следующего выстрела произошла осечка. Артист совсем расстроился и не смог погасить свечку даже тремя выстрелами.

— Пулечки полетели за молочком,— ядовито заметил один из бойцов.

С большим трудом артист Джонсон, в миру Степанов, взял себя в руки. Его пули творили чудеса: он стрелял попеременно с правого плеча и с левого, стрелял, стоя к мишени спиной, глядя в зеркальце.

Раздались первые аплодисменты. Конферансье торжественно объявил:

— А сейчас будет продемонстрирован коронный, заключительный номер: Вильгельм Телль, или простреливание насквозь яблока, положенного на голову любимой женщины!

Любимая женщина, умело улыбаясь, положила себе на темя небольшое яблоко. Артист вскинул к плечу свою пятизарядную малокалиберную винтовку...

Вдруг в березовом лесу прозвучала короткая очередь автомата. Пули ровной стежкой прошили борт грузовика.

Публика залегла. Залегли и артисты. Степанов спрыгнул с грузовика и лег недалеко от лейтенанта, командира роты.

— Не стрелять! — скомандовал лейтенант.— Мы сейчас прочешем этот участок леса.

Не спуская глаз с высокой березы, артист Степанов схватился за винтовку лежавшего рядом с ним бойца.

— Куда ты ее тянешь? — удивился боец, тот самый, который бросил реплику о пулях, полетевших «за молочком».— Вот чудак, до чего перепугался: берет чужое оружие и тянет, как корову за вымя!

— Дай мне винтовку! На одну секунду дай! — умолял артист.

— Да брось ты чудить белым светом! Как это я могу дать свою винтовку, да еще глубоко штатскому человеку?! Стреляй, если хочешь, из своей малолитражной... Да и то команды не было!

— А я тебе говорю: дай!

— А я тебе говорю: отцепись!

— Что там у вас такое? — спросил лейтенант.

— Да вот, товарищ лейтенант, этот артист мою винтовку тянет и тянет к себе! Даже удивительно!

— Товарищ лейтенант! — горячо зашептал Степанов.— Вы все смотрели на меня и ничего в лесу не могли видеть! А я все видел! Я знаю, где эта кукушка сидит! Она в пестром камуфляжном халате, сидит вон на той березе. Разрешите мне взять винтовку и снять бандита!

— На таком расстоянии? — удивился лейтенант.— Вы промажете, и он удерет.

— Сниму! Клянусь манежем! Клянусь Московским госцирком, сниму!

— Боец Федоров, дайте товарищу трофейную винтовку.

— Трофейную — это дело другое,— проворчал боец и протянул артисту немецкую винтовку.

Степанов быстро установил прицел. Бойцы не спускали со снайпера глаз. Раздался выстрел.

Когда через несколько минут Степанов поднялся на грузовик с автоматом и полевой сумкой убитого гитлеровца в руках, раздались такие аплодисменты, каких артист никогда не слышал и в Московском цирке.

«Простреливание яблока на голове любимой женщины» пришлось отменить, так как предыдущий «номер» был гораздо эффектнее.

Алексей **РЕЗАПКИН.**

1942 г.

КАК СПАСЛИ БАТАРЕЮ

Курт Шлоссер — немецкий коммунист, соратник Тельмана, сражается в рядах Советской Армии против фашистских захватчиков. Ходит через линию фронта, ведет полную опасности работу агитатора в войсках противника.

И... учит меня, как изображать Геббельса в сатирической пьесе «Будьте любезны». Ведь Шлоссер знал гитлеровского рейхсминистра, участвовал в политических схватках с ним, да и в концлагере фашистском побывал по личному приказу того же пигмея.

И вот я в карикатурном гриме истошно ору и бранюсь в сценке о важности быть вежливым. Передо мной зрители-зенитчики.

Вдруг налет вражеских самолетов. Для нас, понятно, наступил антракт... Бросаемся в щели. Грохот. Выстрелы. Один «хейнкель» пикирует на батарею. Мне не по себе... Бежит солдат... Гневно потрясая кулаком, кричит «хейнкелю»:

— Куда, дура, прешь? Не видишь? Здесь же твой выродок сидит!

Это про меня!.. «Хейнкель» повернул и ушел, не сбросив бомб.

Потом мне говорил командир батареи, улыбаясь:

— Ну, спасибо, спас батарею!

Конечно, спасли батарею метко стрелявшие артиллеристы. Но, признаться откровенно, мне было тоже лестно, что образ ненавистного рейхсминистра, созданный с помощью Курта Шлоссера, получился таким впечатляющим.

Л. ГАРФЕЛЬД.

Рисунок Фреда ЭЛЛИСА (США)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Рисунок Дэвида ЛОУ (Англия)

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Была весна 1944 года. Наши дела на фронтах шли хорошо. Фашистов били и в хвост и в гриву. Вся четвертая полоса первомайского приложения к газете «Летчик Балтики», где я тогда служил, была отдана мне целиком. Серию рисунков я посвятил знаменитому балтийскому летчику П. Третьякову и назвал их «Третьяковская галерея».

Некоторое время спустя мне довелось лично познакомиться с прославленным асом. На его груди уже красовалась Золотая Звезда Героя.

— Альбом ношу при себе. Даже беру в полеты. Веселей драться!

Лев САМОЙЛОВ.

Над вечным покоем

С квартиры на квартиру

Бурлаки

Девятый вал

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Концерт окончен фронтовой...
Две девушки, как две подруги,
Восторг унять не в силах свой,
Идут, болтая на досуге.
— Вы так играли, так играли,—
Я чуть не плакала порой!
— Что я? Вот вы, так уж герой —
У вас и орден, и медали!
Хотите быть моей сестрой?
Врагов вы много настреляли?
— Сегодня был двадцать второй!
А вы давно скрипачкой стали?
Вы знаете, своей игрой
Вы мне такое счастье дали...
— Послушай, перейдем на «ты»?
Ой, это было бы прекрасно!
— Дай руку, если ты согласна!
Ты не боишься темноты?
А я боюсь ее ужасно!
— Не бойся! Ты теперь со мной!
— А ты ходила в бой ночной?
— Да... Но какой же ты талант!
— А ты? И снайпер, и сержант,—
Я и в подметки не гожусь!
Ты знаешь, я тобой горжусь!
— Ты долго здесь у нас пробудешь?
— Не знаю... Дня, наверно, три.
— Ты мне писать, конечно, будешь?
— А ты? Ну, ладно же! Смотри!..
Вдали зарницей полыхает
Артиллерийский грозный бой...
Обнявшись, девушки шагают.
Как быстро дружба возникает
Средь трудной жизни фронтовой!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

1943 г.

МЕТКИМ УДАРОМ

(По столбцам красноармейской печати)

НЕ НАКОПАЕШЬСЯ

— Что это: снова для блиндажа яму копаете?

— Ничего не поделаешь, господин фельдфебель: вчерашнюю яму неожиданно заняли капитан Робке и обер-лейтенант Гопке, их там похоронили.

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ НА НОВЫЙ ЛАД

О «Голубой дивизии»

Как мало прожито, как много перебито!

О дивизии «Мертвая голова»

Чем глубже в лес, тем хуже для СС.

(«За родину»).

Шутка на привале

М. СЕМЕНОВ, специальный корреспондент Крокодила

А БУДЕТ ЛИ ЗОЛОТО?

В какой-то теперь уже забытый серенький февральский день 1972 года произошло с виду как бы будничное, а на самом деле знаменательное событие: экскаватор Ковровского завода вынул первый ковш земли. И поскольку это произошло не на стройке какой-нибудь всесоюзно известной ГЭС или ГРЭС, а в тихом местечке Якорная Щель, в тридцати километрах от Сочи, то, естественно, событие это привлекло внимание аборигенов. Ими оказались два подростка, возвращавшиеся из школы. Они молча наблюдали за тем, как ловко манипулировал экскаваторщик стрелой-ковшом. А когда он, заглушив мотор, спустился из кабины экскаватора на землю, спросили:

— Дяденька, а что вы тут добывать будете?

Экскаваторщик с любопытством оглядел ребят, а потом, чему-то хитро улыбнувшись, коротко ответил:

— Золото.

Мальчишки удивленно переглянулись и несмело задали второй вопрос:

— Дядя, а тут будет золото?

Ответа они не дождались. Экскаваторщик, видимо, нашел вопрос нетактичным и, оскорбленный в своих лучших профессиональных чувствах, молча удалился в кабину машины. Когда строитель вбивает первый гвоздь или выдает на-гора первую лопату грунта, по меньшей мере неловко ставить под сомнение конечную цель его труда. Да еще во всеуслышание, как это сделали два юных аборигена. А между тем к скептическим ноткам, прозвучавшим в их втором вопросе, следовало бы прислушаться: как говорят, устами младенца...

Но не будем забегать вперед. Пока в Якорной Щели игра велась, как у взрослых: лязгали железными цепями экскаваторы, урчали бульдозеры, в дощатом штабном вагончике девушки с кудряшками отчаянно крутили арифмометры, кто-то хорошо поставленным драмкружковским голосом требовал по телефону немедленно отгружать трубы. Повторяю, все было серьезно вплоть до освоения ассигнований на 1972 год: предусматривалось 133,8 тысячи рублей, освоено 56,3 тысячи рублей.

Непосвященному может показаться что это означало катастрофу для стройки или уж, во всяком случае, ее автоматическое зачисление в разряд захудалых и непопулярных. Ничего подобного. Такова уж наша причудливая строительная действительность, что именно отстающие объекты, а еще лучше объекты, на которых «создается угрожающее неблагополучие», вырываются на авансцену, отодвигая на задний план не вызывающих никаких тревожных эмоций середнячков. Так случилось и с Якорной Щелью.

Отныне она вошла красной строкой в строительные сводки. Ей посвящали обстоятельные, развернутые ведомственные документы. О ней заговорили на оперативных совещаниях и собраниях актива. Эта стройка стала важной персоной не только в Лазаревском районе, но и в масштабах Большого Сочи.

Если бы мы имели возможность заставить вновь зазвучать мембраны некоторых служебных телефонных аппаратов, то до нас донеслись бы обрывки таких разговоров:

— Сергей Петрович, а что же ты о Якорной Щели ничего не докладываешь?

— Так ведь вчера я уже докладывал, Николай Дмитриевич. Жмем изо всех сил.

— Жмите, чтобы кровь из носа!

Так были сказаны необходимые слова. Наступала осень, шли дожди, стройку заливало водой. Мощные насосы непрерывно откачивали бурую жижу. Монтажники по пояс вязли в грязи. Стройка перешла на уплотненный график: работали в две смены. А «сверху» то и дело раздавались подбадривающие возгласы:

— Жми!

— Кровь из носа!

И, конечно, никому из подбадривающих не приходила в голову мысль поинтересоваться: а почему, собственно говоря, надо жать и во имя чего должна из носа капать кровь? Та простая и естественная мысль, которую в свое время высказали вслух два аборигена со школьными портфельчиками. Но это, напомним, случилось в феврале 1972 года, а стройку полагалось завершить в 1973 году.

И ее завершили. Госкомиссия оценила работу строителей на «хорошо» со всеми вытекающими для них приятными последствиями. Одновременно стороны подписали акт о недоделках, состоящий из двадцати пунктов. Тут же хлопнули пробки, брызнуло шампанское. Словом, все как в серьезной взрослой игре.

А потом началось что-то несерьезное. Объект, обошедшийся заказчику — сочинскому «Водоканалу» (Ракульцев А. В.) в круглую сумму — около 150 тысяч рублей, в течение всего 1974 года оставался на балансе строителя — СМУ-8 (Иванов С. П.) и в эксплуатацию не был пущен. Обеспокоенное судьбой объекта СМУ взяло его под свою охрану. А охранник, дабы не допускать омертвления вложенных в объект средств, стал включать его понемногу в работу: пускать в помещение отдыхающих «дикарей». Началась постепенная фондоотдача: 1 рубль с носа в сутки.

Новый, 1975 год изменений не принес. За исключением, может быть, того, что после посещения объекта корреспондентом «Крокодила» стороны твердо решили, устранив недоделки, передать объект из рук в руки. Но даже и после этого ничего путного не произойдет, и придется, видимо, и в наступающем купальном сезоне гостеприимно открыть двери объекта в Якорной Щели купальщикам и ныряльщикам.

И тут, нам кажется, настало время сказать, для какой цели предназначен объект № 21 «Водоканала», располагающий насосной станцией и двумя коллекторами. Увы, он построен не для водоснабжения, которое здесь очень и очень хромает, а для перекачки того, что меткая народная речь иронически обозначила словом «золото». Именно его имел в виду экскаваторщик в своем интервью юным аборигенам в тот неприметный, серенький, теперь уже забытый февральский день.

Так вот:

а) насосная станция не будет ничего перекачивать, потому что она не может действовать без дорогостоящих очистных сооружений, которые не только не спроектированы, но для которых даже не намечено место;

б) но если бы даже очистные сооружения и существовали, то все равно станция обречена на бездействие по крайней мере до 1980 или 1990 года, когда в связи с предполагаемым развитием данной курортной зоны появится столь необходимое для мощных насосов станции «золото». Так как имеющийся в настоящее время и расположенный поблизости весьма маломощный оздоровительный объект пользуется для санитарных целей построенной на свой страх (100 тысяч рублей) и риск (штрафы санэпидемической службы за отсутствие очистки) канализацией по временной схеме, минуя станцию.

На этом, собственно говоря, можно было бы и закончить рассказ о не очень-то громком, но все же поучительном событии в Якорной Щели, близ Сочи. Но, возможно, читатель, ждет от нас морали. Вот она:

Если ты, читатель, когда-нибудь, проходя мимо, увидишь, что строитель собирается забить первый гвоздь, уложить первый кирпич или выкинуть первую лопату грунта и у него будет вид по крайней мере открывателя Клондайка, то ты не постесняйся и спроси:

— А будет ли тут оно, золото?

Иногда это помогает.

ст. Лазаревская,
Краснодарского края.

С. ШАТРОВ

ПОВЕСТЬ О БЕДНОЙ ЛИЗЕ

Антикинороман

Сердце Лизы Жмыревой было настежь распахнуто для любви. И хотя юная Жмырева ежедневно общалась с сотнями молодых людей, не считая мужчин среднего и пенсионного возраста, ни один из них не вызывал у нее чувство, даже отдаленно смахивающее на сердечное влечение. Лиза работала в магазине «Мужская обувь». Согласитесь, что мужчина в носках порой не первой свежести, требующий полуботинки на микропоре, скажем, 44-го размера, как-то выпадает из лирической сферы.

Жмырева два раза в неделю посещала кино «Валдай». Она-то знала, как зарождается большое и красивое чувство. Когда героиня начинала бежать по морскому берегу с развевающимися на ветру волосами и за ней едва поспевал длинноногий молодой человек с волевым, как у Гая Юлия Цезаря, лицом, Лиза сжималась в комочек и замирала в кресле. Впрочем, героиня могла бежать и в поле, среди колосьев спелой ржи, белоствольных берез, по мосту и гулким улицам ночного города. В кино бегут не от инфаркта. В кино бегут навстречу любви.

Разумеется, дотошные рецензенты клеймили эти кадры, утверждая, что подобного рода штампы не могут вызвать у зрителей никаких эмоций. Но Лиза не читала рецензий, чем и объясняется неквалифицированное восприятие происходящего на экране.

Между тем Лиза не испытывала недостатка в поклонниках. По-пластунски подкрадывался к ее сердцу один прапорщик-пограничник.

— Я не мыслю существования на далекой заставе без подруги жизни. Причем подруги боевой. Я начисто отвергаю нынешних курящих, худющих девиц, которые едва волокут ноги на огромнейших платформах,— говорил он, поглядывая на пухленькую Лизу.— Обуй я в такие платформы бойцов, они не задержали бы ни одного нарушителя. Ребра у недокормленных девиц торчат, извините за сравнение, как черные клавиши на белом рояле...

— Много вы понимаете! — ответила Лиза.— Сейчас самый модный размер женской фигуры 42—44. Я тоже перехожу на диету и начинаю курить!

После этих слов бедняга понял, что ему не светит.

Подкатывался к Лизе и Жозеф Волобуев из соседнего магазина «Прибой», где он продавал филе трески, угольную рыбу и прочие дары морей и океанов.

— Лиза, не взять ли нам коляску и дотрястись до загса? — сказал он безо всяких околичностей.

— Проспись,— рассмеялась Лиза.— Проживу без угольной рыбы!

— А если серьезно?

Жозеф Волобуев не был похож ни на одного из известных Лизе киногероев, скорее он смахивал на молодого бычка, вскормленного по науке в животноводческом комплексе.

— Мы не пара,— уже без смеха ответила Жмырева.

Волобуев помотал лобастой головой, словно отгонял слепней, и без особого надрыва сказал:

— Может, ты и права. Заходи, севрюгу ожидаем.

С парнем своей мечты, точнее, с Сергеем Кандауровым, Лиза встретилась в филармонии на концерте арфистки Арефьевой. То была чистая случайность, непреднамеренная улыбка судьбы. Жмырева доставала билет на авторский вечер именитого композитора-песенника, чтобы послушать непередаваемо красивого певца, и в нагрузку ей всучили арфу. У Лизы и в мыслях не было пойти в филармонию, но такой уж выдался гнусный вечер, ни одного телефонного звонка, ни одного приглашения, у телевизора неожиданно пропал звук, по радио передавали нескончаемую беседу о пользе органических удобрений для посевов, хоть вешайся. Пришлось пойти. Для смеха.

Жмырева купила в буфете полтора десятка конфет «Грильяж», чтобы компенсировать пытку классической музыкой. Она чинно заняла свое место. Перед ней сидел гривастый старикан в очках с широкими дужками. Из левой дужки в ухо старика шел провод. Когда на сцене появилась Арефьева, старикашка вскочил и истово зааплодировал. Перхоть тучей посыпалась на его плечи. В это время Кандауров протиснулся в пустовавшее рядом кресло и долго пытался пристроить длинные ноги в узком проходе, наконец, поняв бесплодность своих попыток, скрестил их и превратился в слух. Лиза скосила на него глаза. Она увидела скулы, туго обтянутые кирпичной от солнца и ветра кожей, прямой нос, твердый подбородок. Из этих впечатляющих деталей и был составлен резко очерченный профиль незнакомца.

Лиза сделала индифферентное лицо и перевела взгляд на сцену. Арефьева, немолодая дама в плохо сшитом концертном платье, извлекала из арфы старомодные мелодии. Лиза принялась уничтожать запасы «Грильяжа».

Едва Арефьева ставила музыкальную точку, старикана, словно взрывной волной, сбрасывало с кресла. Прежде чем начать бешено аплодировать, он бросал недобрый взгляд на Лизу. Жмырева подумала, что престарелого музыкального болельщика раздражает ее безучастность, и, чтобы сделать ему приятное, она пару раз похлопала Арефьевой. В сущности, Лиза была доброй девушкой.

Во время перерыва старик, нервно передергиваясь, сказал:

— Вы мешали мне слушать. Все отделение хрумкали конфетами. Для этого есть буфет. Да, буфет!

Лиза страшно смутилась. Она невольно оглянулась на соседа. Кандауров наклонился к старику и сказал:

— Подложи, дедуля, под свое красноречие тормозную колодку. Сбавь скорость. Что же касается головы, то ее надо мыть шампунем, он уничтожает перхоть.

Старик обалдело посмотрел на незнакомца. Из его уха выпал провод. Кандауров тронул Лизу за локоть, приглашая выйти. В фойе Лиза спросила:

— Он что, тронутый?

— Псих, не состоящий на учете.

— Я думала, он бросится на меня с кулаками.

— При мне девушек не бьют!

Лиза поверила. Он был широк в плечах, под «блайзером» с непонятной эмблемой на груди угадывалось сильное, хорошо тренированное тело.

— Арфа — чудной инструмент,— сказал Кандауров.— Вроде большой балалайки, поставленной на попа. Мне билет всучили в порядке нагрузки, не растерялись бизнесмены!

— Мне тоже,— почему-то обрадовалась Лиза.

Не сговариваясь, они направились к выходу.

— Недурно бы подзаправиться,— сказал Кандауров.— Из-за этого щипкового инструмента меня потянуло на пищу.

Они зашли в кафе.

— С горючим или без? — спросил Кандауров, изучая меню.

— Без,— сказала Лиза.

— Закон,— сказал он и заказал омлеты, кофе и торт.

Пока приносили пищу, Кандауров выдал парочку вполне приличных анекдотов и байку о том, как один штангист проигрывал первенство из-за двухсот граммов личного избыточного веса. Судьи хотели засчитать ему поражение. Он снял парик. В парике было 300 граммов. Тогда его соперник сбрил гриву, которую отращивал три года, усы и баки. Они сравнялись в весе и оба, наголо обритые, стали на пьедестал почета, разделив высшую награду.

Домой они возвращались поздно. Лиза с удовольствием отметила, что она на голову ниже Сергея. Жмырева, как и все ее подруги, низкорослых парней называла молекулами. Молекулы высоко не котировались. Среди молекул не было киногероев.

Когда они шли по мосту, сыпанул дождь. Они побежали, взявшись за руки. Лиза вспомнила, что точно так же под дождем бежали Пьер и Софи в фильме «Влюбленные сердца». На перекрестке Кандауров перехватил такси и довез Жмыреву домой. В парадном он не пытался, подобно коротышке Жозефу из «Прибоя», лезть с поцелуями. Сергей вежливо попрощался и лишь попросил разрешения позвонить по телефону. Дома она быстро разделась и долго лежала без сна, восстанавливая все детали чудесного вечера.

День за прилавком она провела в лихорадочном ожидании. Несмотря на возбужденное состояние, она была учтива и приветлива с покупателями, как бы возвращая им полученное вчера тепло. Вечером она тщательно оделась, завилась и села у телефона. Раздался звонок. Обмирая, она взяла трубку.

— Лизанька, кто последний, я за ним!

— Не понимаю,— сказала Лиза.

— Сколько еще передо мной твоих поклонников?

— Никого! — искренне вырвалось у Лизы.

Они прекрасно провели время в парке. Возвращались берегом реки. Лиза, точно как Маргарет Ле-Карон в фильме «Танго любви», раскинув руки, побежала по набережной. Сергей догонял ее. И в последующие встречи все было, как в кино. Они выезжали за город, обедали в придорожных мотелях и бегали наперегонки меж дубов и сосен. Лиза узнала, что Кандауров легкоатлет, его вызвали в Москву для переговоров о переходе в другое спортобщество. Его спортивная специальность — бег на 110 метров с барьерами.

В «Мужской обуви» Кандауров обворожил подружек Лизы. Он преподнес всем по букетику гвоздик, угостил конфетами и отказался от импортных туфель, припасенных для одного мальчика из танцевального телезала.

И только заведующая, напористая Оксана Тарасовна Каганец, выставившая за дверь трех мужей, предупредила:

— Будь осторожна, дивчина. Мужика надо семь раз проверить, прежде чем раз ему доверить!

— Мы уже подали заявление в загс,— призналась Лиза.

Через три месяца они расписались. Кандауров перебрался к Лизе, а спустя неделю отправился на сборы в Сухуми.

— Я буду очень ждать,— сказала Лиза.— Как жена моряка.

Он вернулся на две недели раньше срока, загоревший и злой.

— Тренер отчислил,— сказал он.— Слепил дельце, навесил собак!

— Он бюрократ? — спросила Лиза.

— Он дубина, чиновник и жмот! Но он еще пожалеет, когда увидит меня на пьедестале почета с эмблемой другого общества! А пока придется потуже затянуть пояс!

— Глупости! Я зарабатываю, у меня есть небольшие сбережения. Ничего не придется затягивать!

Поиски другого общества несколько затянулись. Жмоты-тренеры не соглашались зачислить атлета на фиктивную высокооплачиваемую должность. Кандауров бешено торговался.

— Координация движений, скорость и воля к победе — мои козыри,— пояснял он Лизе.— Не каждый мастер барьерного бега может бросить на стол такие картишки. Я их дожму!

— Дожми, милый. Пусть ценят людей.

— Вот именно. По номиналу. Большего не прошу.

Все свободное время Кандауров проводил в магазине, шутил с продавщицами, словом, стал своим человеком. Он понравился даже заведующей.

— Я, дивчина, не особенно жалую мужиков,— сказала она,— но твой, кажется, приятный парень. Где он набивает мозоли?

— Пока нигде. Переходит в другое спортобщество. Его специальность — преодоление барьеров.

— Всем приходится преодолевать барьеры,— вздохнула Каганец и направилась в подвал-подсобку, сверкая кольцами и бижутерией.

Шел последний день третьего квартала. План «Мужской обуви» горел. С базы нужно было срочно вырвать дефицитный товар.

— Вы что-нибудь понимаете в машинах? — спросила Каганец у Сергея.— Моя «жигулишка» забастовала.

— Когда-то я чуть было не стал мотогонщиком,— усмехнулся Кандауров, быстро устранил неисправность и даже отвез заведующую на базу.

— Твоя Оксана Тарасовна — смешной товарищ,— сказал он вечером.— В ее возрасте не следует обращать внимание мужчин на свои бабские прелести, лучше упирать на деловые качества и кулинарные способности. Кстати, килограмм косметики и центнер бижутерии не делают женщину моложе...

— Не будь злым,— сказала добрая Лиза,— она так одинока...

Прошло пять месяцев. Тренеры держали круговую оборону. Все чаще Сергей возвращался домой поздно вечером и от него сильно попахивало коньяком. Лиза не понимала, где он достает деньги на спиртное. И тогда он говорил о великом братстве спринтеров, прыгунов с шестом и мастеров барьерного бега. Он начал выпивать и днем. В тот день он пришел в магазин сильно навеселе. Он шутил с продавщицами, задирал покупателей, пока не спустился в подсобку. Он долго не появлялся, и Лиза подумала, что он может нахамить одинокой Каганец. Она пошла за ним. В дальнем углу, за грудой коробок с сандалетами фабрики «Восход», ее Сергей, картинно изогнувшись, держал в объятиях Оксану Тарасовну Каганец.

Бедная Лиза вернулась к себе. Роняя слезы на чековую книжку, на стельки полуботинок и сандалет, она продолжала культурно обслуживать покупателей.

Вечером пожаловал Кандауров.

— Как ты мог? — задыхаясь, спросила Лиза.

Сергей не спеша извлек из пачки «Столичных» сигарету, выстрелил зажигалкой-пистолетом, глубоко затянулся и, глядя на расползающееся колечко дыма, сказал:

— Я ухожу.

На мгновение в мозгу у Жмыревой возник глубоко взволновавший ее кадр из фильма «Оковы любви». Один зарубежный красавец подлец точно так же, глядя на кольцо сигаретного дыма, цедил сквозь зубы слова прощания. И еще она вспомнила слова обманутой женщины:

— Я ношу под сердцем твоего ребенка!

Сергей поднял на нее глаза, задернутые белесоватой пеленой, ничего не было видно в этих глазах.

— Сделаешь аборт, только и делов.

Вот, собственно, и вся история, рассказанная автору доброй Лизой. Автор назвал ее антикинороманом из-за концовки. А концовка этой невыдуманной истории такая. Оксана Тарасовна Каганец в четвертый раз вышла замуж. Кандауров договорился, наконец, со спортобществом. Однажды он даже поднялся на пьедестал почета. Лиза Жмырева так и осталась матерью-одиночкой. Сами понимаете, что такая нетипичная концовка не лезет ни в какие киноворота.

Крокодил помог

«ЭТИ ХРАБРЫЕ ДЖИГИТЫ»

оценили по дешевке легковые автомобили, предназначенные для передачи в торговую сеть, и продали их самим себе, предварительно хорошенько отремонтировав за государственный счет (см. фельетон К. Селиневича в № 35 «Крокодила» за 1974 год).

В полученном редакцией совместном ответе секретаря Павлодарского обкома партии тов. И. Бурова и председателя облисполкома тов. Т. Садвакасова сообщается, что лица, допустившие злоупотребление служебным положением (как упомянутые в фельетоне, так и не упомянутые), привлечены к административной и партийной ответственности; незаконно приобретенные автомобили у них изъяты.

Исключены из рядов КПСС и сняты с занимаемых должностей начальник областной лаборатории Госнадзора за стандартами и измерительной техникой тов. Демченко, заместитель управляющего трестом «Павлодарспецстрой» тов. Бекбулатов и начальник Павлодарского ремстройуправления тов. Кармалев.

Строгие партийные взыскания объявлены членам КПСС тт. Жусупову, Пенькову, Аубанову. Тоганбаеву. Заведующий отделом Павлодарского райисполкома тов. Нунешев освобожден от занимаемой должности.

Исполком облсовета объявил выговор председателю областного объединения «Казсельхозтехники» тов. Шейно.

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ТОЛЬКО И ЗНАЕТ, ЧТО СЛУШАЕТ ПОПМУЗЫКУ...

МОЙ БРАТ РАБОТАЕТ В АВТОКОЛОННЕ...

ЗАРПЛАТУ ЗАЖИМАЕТ...

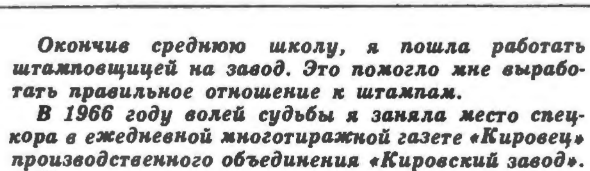
А УЧИТСЯ, ЧЕРТ ЗНАЕТ КАК!

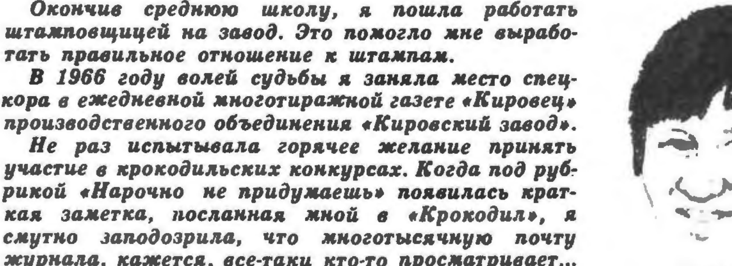

Лариса НИКОЛЬСКАЯ

Плоды воспитания

Окончив среднюю школу, я пошла работать штамповщицей на завод. Это помогло мне выработать правильное отношение к штампам.

В 1966 году волей судьбы я заняла место спецкора в ежедневной многотиражной газете «Кировец» производственного объединения «Кировский завод».

Не раз испытывала горячее желание принять участие в крокодильских конкурсах. Когда под рубрикой «Нарочно не придумаешь» появилась краткая заметка, посланная мной в «Крокодил», я смутно заподозрила, что многотысячную почту журнала, кажется, все-таки кто-то просматривает...

Потому и послала вам свои стихи.

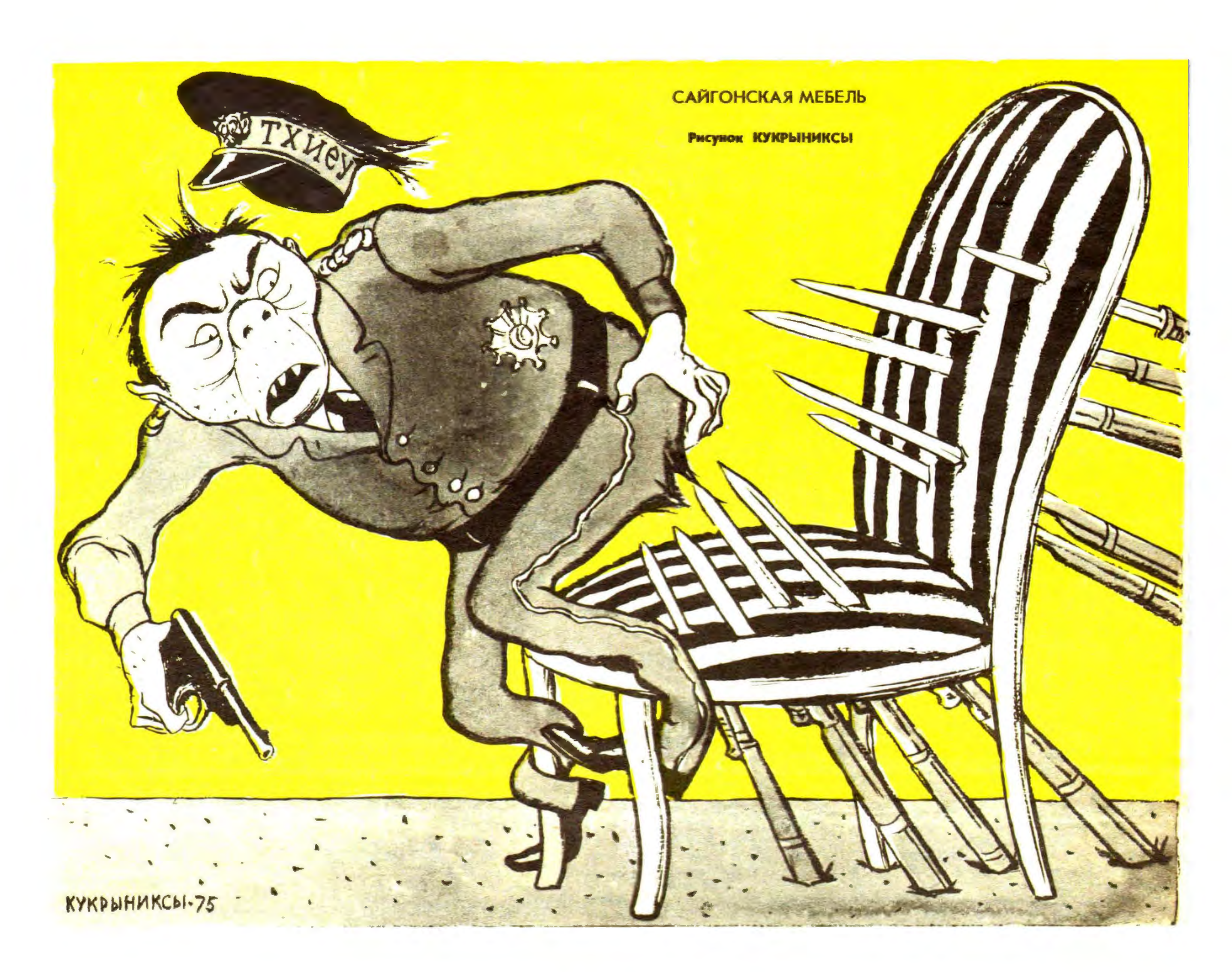
Л. Никольская, г. Ленинград.

В икс-отделе, в цехе ли,
Иль в КБ
Собралась комиссия
По борьбе.
Собралась комиссия
Заседать,
Забулдыгу Васеньку
Обсуждать.
Вот выходит Васенька
На ковер.
Трудный начинается
Разговор.
«Что-то начал Васенька
Попивать!
Надо нам несчастного
Воспитать.
Ведь всего-то Васеньке
Сорок лет,
Ни отца, ни маменьки
Вовсе нет.

Вот и тянет рюмочку
Он ко рту,
Коль наставить некому
Сироту!
Если выпьешь, Васенька,
Для души,
На вахтера, Васенька,
Не дыши!
Проходи стороночкой,
Берегись,
Как березка во поле,
Не клонись.
Не валяйся, Васенька,
Во грязи,
До станочка посуху
Доползи.
Встретит мастер ласково
У ворот,
Он работку легкую
Подберет.

Построгай полчасика,
Поточи,
А потом головушку
Полечи.
Да не бегай попусту
К проходной,
Обходи дружинников
Стороной.
На завзятых умников
Не гляди!
Есть в заборе дырочка —
Там ходи.
А прогульчик сделаешь —
Не беда!
В праздник отработаешь
Завсегда.
На завод с похмелья-то
Не спеши,
Нас, невинных, премии
Не лиши!»

...Больно ранил Васеньку
Тот упрек.
Он побрел в ту сторону,
Где ларек.
Встретил двух приятелей,
Зарыдал,
Им слова комиссии
Передал.
Сели, закручинились
Все втроем:
— Ах, зачем мы, подлые
Водку пьем!
Производство мучится
И семья,
Сам ползешь по улице,
Как свинья.
Сколько бед наделаешь
Во хмелю!
И, рыдая, сбросились
По рублю...

САЙГОНСКАЯ МЕБЕЛЬ

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Л. КАНЕВСКИЙ

ВСЕ—ПОД РУЖЬЕ!

Наследники Моше Даяна из министерства обороны, сильно озабоченные слабостью армейских рядов после «октябрьской» войны, принялись выискивать дополнительные резервы. Дело это нелегкое: ведь каждый более или менее взрослый житель Израиля, коекак приспособленный к ношению оружия даже на короткую дистанцию, уже давно под ружьем.

Поскольку в гарнизонном государстве не приходится ожидать «демографического взрыва», было принято решение тряхнуть ветеранов, благо из них еще не улетучился до конца сионистский дух. В Тель-Авиве издали приказ, обязывающий всех бывших военнослужащих, покинувших когда-либо армию вследствие серьезной контузии, ранения или болезни, забыть о прежних невзгодах и, напялив военную форму, подтягиваться к призывным пунктам.

Поиски резервов продолжались. Было обращено внимание на тот факт, что можно эффективнее использовать и воинство в юбках. Поэтому женщинам, служащим в армии, накинули еще небольшой срок, увеличив разлуку с ближними до двух лет...

Пылая патриотизмом, министерство просвещения ринулось на подмогу министерству обороны. Была изготовлена инструкция, предписывающая всем студентам, обучающимся за рубежом, забросить науки и немедленно возвратиться на «землю предков» под знамена. Понимая, что заполучить «добровольцев» из-за моря будет непросто, министерство не остановилось перед финансовыми жертвами, пообещав каждому возвращенцу вознаграждение в 90 долларов.

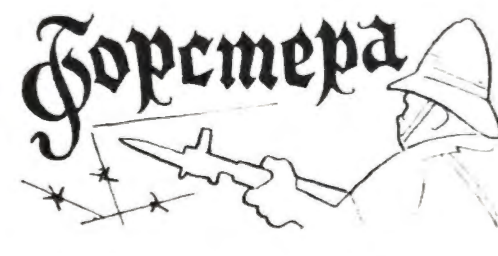
Издан также декрет, в соответствии с которым учащиеся и учителя, с оружием или без оного, должны охранять свои школы и другие помещения от «нападения противника». Очевидно, чтобы не нарушать целостности воспитательного процесса, вместе с детьми на пост должны заступать и родители.

Под закон об «укреплении безопасности» попали все учебно-воспитательные учреждения, начиная с детских садов.

Министерство просвещения, правда, не уточнило, будут ли вооружены обитатели детских садов, защищая свою «безопасность». Возможно, они продемонстрируют свою боевитость с помощью дружного рева и топота ножками.

Н. ШИММЕЛЬ

Сердце Форстера

Знаменитый южноафриканский хирург Барнард недавно сделал новую операцию по пересадке сердца. На этот раз он не заменил больное сердце здоровым, а, как выражаются медики, сделал имплантацию здорового сердца для параллельной работы с больным.

И вот с того дня по столице ЮАР поползли упорные слухи о том, что этой операции подвергся не кто иной, как сам премьер-министр Форстер. Меня эти слухи заинтересовали. Но как докопаться до истины: Форстера оперировали или не его? Помогла одна деталь, в сущности, мелочь. Кто-то сказал, что донором в этом случае был негр, который в часы досуга разводил голубей. Бедняга свалился с голубятни и разбил голову, а сердце его осталось невредимым.

Тут меня и осенило. Ведь у человека, любящего голубей, сердце должно быть мягким, чутким, добрым — одним словом, человеческим. Значит, такое теперь и бьется в груди Форстера рядом с его больным, черствым сердцем закоренелого расиста. И еще вот что: сердце стучит не только в часы досуга, но и в рабочее время. Значит, деятельность здорового сердца должна отразиться и на государственных делах Форстера, его суждениях, решениях, действиях. А уж это установить нетрудно. Разумеется, надо будет иметь в виду, что рядом со здоровым у него еще работает и больное, старое сердце. Что ж, учтем...

И стал я внимательно просматривать сообщения газет и агентств о делах Форстера за время, прошедшее после барнардовской операции. Вскоре бросилось в глаза такое: Форстер выступил с совершенно нетипичным для него заявлением. Этот отъявленный расист (мне уж захотелось сказать — бывший...) вдруг во всеуслышание изрек: «В Африке наступает новая эра. Она захватит и Южную Африку. Африка согласится с реальностями нашего века, и Южно-Африканская Республика согласится с ними...» И тут же Форстер попросил критиков политики апартеида дать ему шесть месяцев срока, чтобы осуществить «серьезные изменения в расовой политике» его правительства и «изменить репутацию ЮАР». Известно, какую репутацию: позорную.

Ясно, подумал я, это уже заговорило новое, здоровое сердце Форстера. Значит, оно стучит в его груди! И стучит так сильно, что даже на мозги действует.

Однако вслед за этим из ЮАР пошли новости старого, обычного для нее типа. Южноафриканская полиция произвела облавы, арестовано около 40 человек. Большинство арестованных—члены Конвента африканского народа, Объединенного союза черных рабочих, Организации южноафриканских рабочих; есть и белые — из организации «Программа социальных перемен». В общем, борцы против расизма.

Ну вот, подумалось теперь мне, это не хочет сдавать позиций старое сердце Форстера. Поглядим, чья возьмет...

Через неделю после многообещающей речи Форстера министр внутренних дел Мюльдер разъяснил, что печать и оппозиция сделали из речи Форстера... «ошибочные выводы». Эта речь, пояснил Мюльдер, вовсе не означает, что в ЮАР будет допущено «правление черного большинства»...

А еще через пару дней и сам Форстер открестился от своего обещания: «Я никогда не просил дать мне шесть месяцев срока, чтобы перевернуть все вверх дном в Южно-Африканской Республике»...

Вот как, думаю, застучало старое сердце расиста! А что же новое, здоровое? Неужели не возьмет верх над отжившим свой век?

Напряженно вчитываюсь в дальнейшие сообщения из ЮАР. Увы! Активности нового сердца незаметно...

Стоп! Что-то нашел. Вот новые, благородные мысли! Конечно же, подумал я, они подсказаны новым сердцем. Газеты ЮАР трубят, что Форстер выступает за «разрядку» в отношениях с молодыми независимыми государствами Африки, за мир и дружбу с ними, что он начинает «диалог» с этими странами и даже что ЮАР намерена попросить принять ее в Организацию африканского единства...

Попались на глаза и два сообщения о «внутренних переменах» в ЮАР. Одно о том, что африканцам разрешили быть шоферами такси... для белых. Однако на этих такси обязательно должна быть надпись: «Только для белых». Чтобы, упаси боже, белый не сел на сиденье, которое перед тем «замарал» черный! А второе о том, что в один из столичных театров в определенные дни будет разрешено пускать и белых и черных.

Ох, как слабо бьется здоровое сердце, испугался я. Ну, а каковы дела старого? И вижу, что сообщений о них хоть отбавляй...

...Сразу же после новогодней клятвы Форстера его полиция устроила кровавое побоище на золотом руднике «Ваалерифс», где началась забастовка горняков-африканцев. Убито 8 человек, ранен 21... Запрещена всякая деятельность Организации южноафриканских (черных) студентов, выступавшей против апартеида. Один из ее лидеров, А. Тиро, убит... Правительственная комиссия заявила, что должен исчезнуть Национальный союз студентов, объединяющий в своих рядах белых студентов. Этот союз — тоже противник расизма... Арестовано 38 борцов против расизма. 12 из них посажены на скамью подсудимых в верховном суде Претории. Им грозят наказания — от 5 лет тюрьмы до смертной казни!

Не без содрогания читаешь и такое сообщение: брошенный в тюрьму девять лет назад мужественный борец против расизма, деятель запрещенной в ЮАР компартии Абрахам Фишер смертельно болен. Генеральный секретарь ООН призвал Форстера проявить гуманность — освободить Фишера. Форстер нагло ответил отказом...

Нет, не слышно биения нового, здорового сердца в груди Форстера. Ясно, что его там и нет. Так что слухи, распускаемые в столице ЮАР насчет имплантации такого сердца Форстеру, — пустая болтовня.

В. ПОДКОВА

НОРФОЛКСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Мистер Смит прибыл на экзотический остров Норфолк, близ Австралии, инкогнито и налегке, если не считать чековой книжки, здоровенной пачки долларов и фунтов, а также саквояжа с разной дорожной мелочью.

Подъехав к отелю, мистер Смит убедился, что ему вопреки опасениям удалось сохранить инкогнито даже в большей степени, чем хотелось бы. Начать с того, что шофер такси повел себя крайне неучтиво. Он не обратил внимания на предложенные деньги, а стал с интересом осматривать одежду пассажира и даже попробовал на ощупь материю его плаща. После секундного размышления шофер взял Смита за шиворот и сначала вытряхнул его из плаща, а потом — из машины.

Дежурный администратор в гостинице приветливо улыбнулся гостю.

— Ваш багаж в машине, сэр? — осведомился администратор.

— О нет, я налегке,— ответил мистер Смит и похлопал ладонью по тощему боку саквояжа.— Зубная щетка, бритва и пара сорочек.

— И это все?! — изумился администратор.— С таким имуществом вы сможете прожить у нас минут семь — десять, не более.

— Хо-хо,— самодовольно ухмыльнулся мистер Смит и извлек из-за пазухи пачку ассигнаций.

Через минуту мистер Смит оказался за дверью отеля на свежем воздухе, куда он был вышвырнут четырьмя могучими руками привратников при активном содействии умелой, тренированной ноги, обутой в ботинок с толстой шершавой подошвой.

Но никакое физическое потрясение не могло подействовать на мистера Смита так сильно, как здешнее варварское пренебрежение к доллару и фунту, которым он посвятил свою жизнь.

Добросердечный чистильщик сапог, молча наблюдавший изгнание Смита из отельного рая, помог бедняге подняться.

— Остров сумасшедших...— пробормотал Смит, отряхивая местную пыль с собственного седалища.

— У нас первоклассный отель,— объяснил чистильщик,— и хозяин не любит, когда вокруг шляются нищие.

Тут в душе мистера Смита что-то взбунтовалось.

— Я миллиардер! — побагровев, заорал он и зачем-то даже топнул ногой.— У себя в Лондоне я стою три миллиарда фунтов!

— Тихо, парень, здесь не Лондон. Эти твои бумажки у нас ни черта не стоят. Можешь их бросить в урну.

— И что же... какие у вас деньги? — осторожно поинтересовался мистер Смит.

— У нас деньги — тьфу! У нас — товар на товар, понял? Ты мне — часы, я тебе — ружье. Но лучше всего чистый бензин. Тащи сюда бочку бензина и будешь жить в нашем отеле хоть целый год!

— Но почему так? —жалобно прохныкал мистер Смит.

— Это наш норфолкский ответ на инфляцию и энергетический кризис.

Мистер Смит почувствовал, что ему категорически нечего делать на этом проклятом острове, не имея при себе ни одной вещи, годной к обмену... И, осознав, что он влип так, как не влипал еще никогда в жизни, бедняга Смит тяжелой, валкой трусцой поспешил к аэродрому.

— Билет до Лондона? — осведомилась кассирша.— С вас две свиньи и кролик. Первым классом — две свиньи, кролик и попугай какаду.

— А штанами берете? — осведомился мистер Смит и взялся за пряжку ремня...

К сведению недоверчивых читателей: как сообщает агентство Рейтер с острова Норфолк, инфляция добралась даже до этого удаленного живописного острова в Тихом океане, вынудив многих из его 1 250 жителей прибегнуть к меновой торговле. Стало обычным явлением видеть в любой из шести гостиниц острова людей, обменивающих мешок со свежими овощами на дефицитную запасную часть автомобиля или же половину мясной туши. И так далее...

— И вот так всегда, пока не кончится завод.

Рисунок А. СКОТАРЕНКО

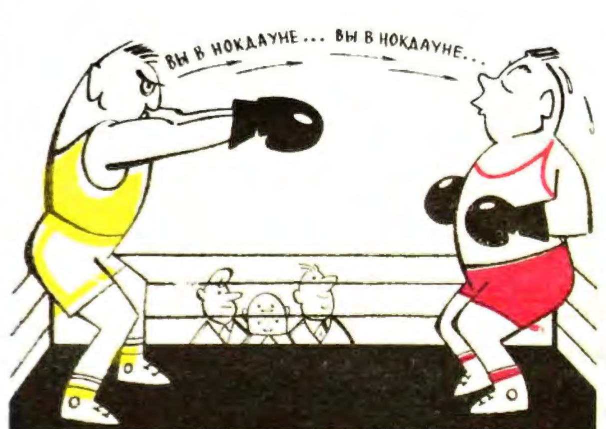
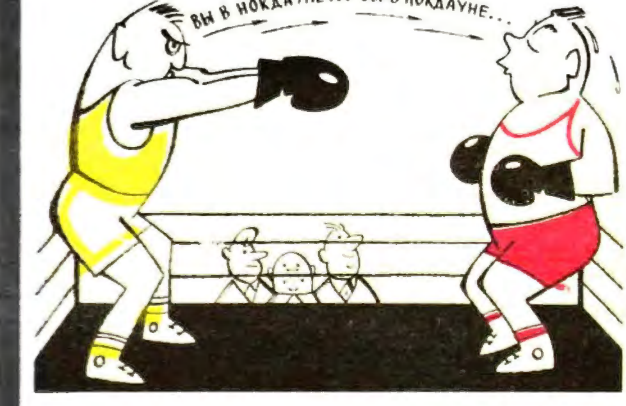

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Мастера по цветным телевизорам вызывали?

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Ю. БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

ОХОТА НА «СТРИЖА»

Несмотря на неустанную борьбу и отдельные успехи, дефицит мотоциклов и запчастей к ним у нас еще есть. И от этого никуда не уйти.

В частности, не уйти мотолюбителям от ленинградского магазина «Мотолюбитель». Они толпятся вблизи этой торговой точки, горя желанием приобрести то, что не всегда продается в магазине, но зато всегда перепродается в ближайшей подворотне.

Дефицит порождает спекуляцию, а спекуляция...

Впрочем, на эту тему уже было немало фельетонов и судебных решений. Я о другом. Но это другое начинается в толпе, суетящейся близ магазина «Мотолюбитель».

В этой толпе больше всех суетится мотолюбитель, приехавший не то из Новосибирска, не то из Новокузнецка, а может, вовсе из Ханты-Мансийска. И этот любитель страшно удручен отсутствием мотоцикла «Иж-Юпитер-3» с коляской. Он вообще не представляет, как будет дальше жить и работать без «Юпитера» с коляской. Он даже отказывается возвращаться в свой Анджеро-Судженск без указанного мотосредства. Решено: он останется жить здесь, на улице, возле магазина, под открытым небом...

Неизвестно, что сталось бы с бедным сибиряком, если бы в толпе не нашлась добрая душа. Добрая душа подошла к стенающему любителю мотоцикла с коляской и ласково сказала:

— Ну, ты, хочешь познакомлю с директором загородной базы? Кусок в лапу — и будь здоров, понял? Да вон он идет.

Поскольку разговор ведется не шепотом, все головы поворачиваются в сторону, указанную доброй душой. Действительно, к магазину приближается фигура в хорошем костюме. Сомнений нет: это директор базы.

Дальше все происходит, как по заранее написанному сценарию. Добрая душа вместе с приезжим любителем бросается к директору. Директор, естественно, непреклонен: нет, он подобными делишками не занимается, не на того нарвались. Но под напором превосходящих сил противника сдается и...

Но тут из толпы выделяется еще один, которому нужен мотоцикл. И этот один увязывается за уходящими, пытаясь решить ту же проблему.

— Что?! — говорит директор.

Три минуты он бушует. На четвертой минуте сдается и уводит всех троих. Они идут на вокзал, садятся в электричку и едут в сторону загородной базы.

Ах, эти нехорошие директора баз, которые еще иногда, в отдельных случаях берут взятки! Мало о них писалось фельетонов, мало их прохватывали с эстрадных подмостков! Но не будем облыжно охаивать честных людей, ибо не об этом речь, и в данном конкретном случае никто из директоров загородных баз ни в чем не виноват. А если гражданин Шевель внешне смахивает на директора базы, то разве это основание для далеко идущих обобщений?

Итак, в вагоне электрички четверо: «директор», добрая душа, сибиряк и «стриж». «Стриж» — это тот самый, которому нужен мотоцикл и который увязался за первыми тремя, услышав о блестящих возможностях. О том, что он «стриж», сам «стриж» пока не знает. Просто его так называют эти первые трое. Правда, называют про себя. Как называли всех «стрижей», которым был нужен мотоцикл.

В дороге делать нечего, пейзаж за окном однообразный, как диета, кто-то вынимает картишки и предлагает перекинуться в покер. «Директор» нехотя соглашается. Добрая душа шепчет остальным: «Надо проиграть директору, иначе он не возьмет».

Дружно проигрывают «директору». Потом инициатива переходит к «стрижу». Банк растет, а вместе с ним растет аппетит у «стрижа».

Но тут счастье ему изменяет. Настолько изменяет, что десятки, а затем и сотни постепенно перекачиваются в карманы партнеров.

«Стриж» в ужасе: деньги, припасенные для покупки мотоцикла, как говорится, приказали долго жить. Да что же это делается, братцы! Да ведь они все шулеры, эти трое! Караул!!!

На первой же остановке компания выскакивает из поезда, оставляя «стрижа» кричать «караул» сколько ему заблагорассудится...

На этом заканчивается часть досудебная, после чего начинается уголовный процесс.

На скамье подсудимых Гатчинского районного народного суда семеро — Талин, Егоров, Поляшов, Лемзяков, Петров, Веткин и Шевель. Шевеля взяли в зале суда — пришел посмотреть, как тонут дружки.

Все остальное — в строгом соответствии с юридическими нормами и со статьей 147 Уголовного кодекса РСФСР: «Завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество)...»

Сели, голубчики... Спасибо милиции и суду, мошенников поубавилось. Ну, а «стрижей»?

Ленинградская область.

НАРОЧНО ПРИДУМАЕШЬ

«Мне очень понравилась Наташа Ростова, особенно когда она танцевала на своем первом балу со Штирлицем...»

(Из школьного сочинения).

Прислала Е. Карпова, село Гусевка, Волгоградской обл.

«Зачислена в мешкотару».

(Из записи в трудовой книжке).

Прислала Т. Валеева, ст. Карламан, Башкирской АССР.

СРЕДИ ХИЩНИКОВ

В смешанной группе львы, тигры, гепарды, пумы, рыси, черные пантеры и другие

УКРОТИТЕЛИ

(Из программы Кисловодского цирка).

Прислали многие читатели, г. Кисловодск.

«Паяльник должен храниться при комнатной температуре в сухом помещении, воздух которого насыщен парами кислот и других веществ, вредно действующих на материалы паяльника».

(Из инструкции к паяльнику, изготовленному учебно-производственными мастерскими Днепропетровского машиностроительного техникума).

Прислал Е. Янкаев, г. Душанбе.

«Объяснительная

Мы, прибыли 23.XI—74 г. из Черкесска. Путевой лист и ведомости не успели сдать, так как машину оставили на ремонтной зоне. Утром было уже поздно, мыши съели ведомости, причем оставили штампы станций, сумму выручки и фамилии.

Прошу принять в бухгалтерию».

Прислала Л. Луданова, г. Ростов-на-Дону.

«Обвиняемого я хорошо не знал, хотя иногда видел его, но только косвенно».

«Когда я закричала, он сел на крыльцо и начал поливать красноречием».

(Из свидетельских показаний).

Прислал И. Чабанов, г. Тихорецк.

Управление пассажирского транспорта Мосгорисполкома

ПРАВИЛА

пользования месячным билетом для проезда в ТРАМВАЕ г. Москвы

1. Проданный билет обратно не принимается.

2. Билет без печати недействителен и отбирается.

3. Билет права на бесплатный провоз багажа не дает.

ПРОСИМ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ МЕСЯЧНОГО БИЛЕТА СООБЩИТЬ ВАШИМ ЗНАКОМЫМ

Цена билета 1 руб. 80 коп.

Прислали многие читатели, г. Москва.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Жур де Франс», Франция.

— Давай-ка побыстрее отсюда! А то еще скажут, что это мы наделали.

«Нои донне», Италия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Томас ГАРДИ (Англия)

ГРАБИТЕЛЬ

— Ларри, Ларри, я слышу чьи-то шаги! — дрожа, прошептала жена.

— Ммм? Какие шаги? — спросонья промычал муж и зевнул.— Только я начал засыпать...

— Ларри, кто-то забрался в нашу квартиру! Наверное, грабитель... Проснись же, Ларри!

— Мы же не миллионеры, дорогая, что у нас можно украсть?

— Так это знаем мы, он-то не знает! Ой, Ларри, вон он, в столовой. Смотри, у него на лице черная маска!

Увидав взломщика, Ларри, похожий в своей полосатой пижаме на тигра, прыгнул на него. Схватив ночного посетителя за лацканы пиджака, он воскликнул:

— Ну, погоди, бродяга! Теперь ты увидишь, что тебя ожидает! Синтия,— скомандовал Ларри,— вынь из ящика пистолет и направь на него! Держи его на мушке, пока я оденусь!

Синтия дрожащими руками навела пистолет на трясущегося громилу. Ларри впопыхах натянул на себя костюм, потом, завернув грабителю руку за спину, повел его к выходу.

— Запри дверь, дорогая,— сказал он,— и спокойно ложись спать. Я постараюсь вернуться из полиции побыстрее! Гуд бай, моя девочка, не волнуйся!

— Пусть ему там вправят как следует, чтобы он не смущал покой мирных граждан! — крикнула им вслед Синтия.

— Будь спокойна, Синтия, он узнает, почем фунт лиха!

Синтия заперла дверь на два оборота ключа, на засов и, гордясь храбрым мужем, спокойно уснула.

Когда Ларри и взломщик завернули за ближайший угол, Ларри отпустил его руку, похлопал его по плечу и, улыбаясь, сказал:

— Спасибо, старина!

Тот стащил с головы черный нейлоновый чулок и улыбнулся. А Ларри продолжал:

— Ты только подумай, это же моя первая вечерняя вылазка после того, как я два месяца назад женился! Без тебя мне бы ни за что не выбраться! Ты сыграл великолепно! Пойдем выпьем!

Перевел Г. МАРКОВИЧ.

Эрнст РЕЛЬ (ГДР)

Слова, слова...

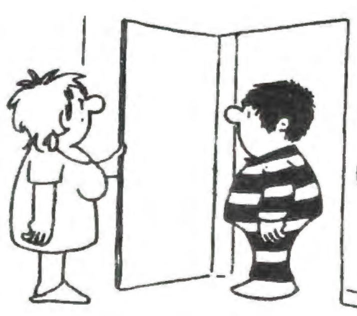
Большинство толстых людей не так уж толсты. Просто они на двадцать сантиметров короче, чем надо.

Совет родителям и воспитателям: детей не нужно бить, разве только в порядке самообороны.

За иные вещи, которые мы покупаем, следовало бы платить фальшивыми деньгами.

«Нельзя все время руководствоваться мнением других людей,— говорил чревовещатель.— Я лично следую только своему внутреннему голосу».

«В обмене опытом с другими бригадами пока нет необходимости,— сказал бригадир.— Нам вполне хватает собственных ошибок, чтобы на них учиться».

— Где ты был так долго?

«Нойе ревю», ФРГ.

— Перестань сигналить, а то разбудишь мою жену!

«Дейли миррор», Англия.

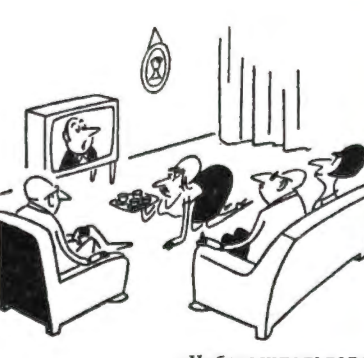
«Динобраз», Чехословакия.

— Возьмите, пожалуйста, еще и это.

«Се», Швеция.

«Небельшпальтер», Швейцария.

«Остен», Югославия.

«Берлинер цайтунг», ГДР.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Магазин», Франция.

Вокруг смертного одра мэра собрались именитые граждане города и тихо беседуют между собой:

— Какой это был великолепный человек!

— А какой мудрый!

— Редкой был доброты человек...

— Не мэр, а ангел во плоти...

На мгновение умирающий открыл глаза и пробормотал:

— А скромность? Прошу не забыть о моей скромности...

●

— Почему вы хотели совершить самоубийство?

— Мне скучно жить.

— И вы думали, что самоубийство вас развлечет?

●

Ученик прочел наизусть один из сонетов Шекспира.

— Отлично, — кивнул учитель.— А теперь расскажи нам содержание стихотворения своими словами.

— Не могу.

— Почему же?

— Я не слушал, когда читал.

●

Умирающий шотландец обращается к священнику:

— Послушайте, святой отец, как вы думаете, если я оставлю все свои деньги церкви, вознесусь я на небо?

— Обещать я, конечно, не могу,— сказал священник,— но попробовать можно.

●

Автомобиль проехал на красный свет. Полисмен догнал его и обращается к даме, сидящей за рулем:

— Послушайте, мадам, вы знаете, что означает мой жест, когда я поднимаю руку?

— Полагаю, что да,— холодно ответила дама,— я была учительницей тридцать лет!

●

В толпе у храма однажды раздался громкий крик:

— Братья, я снова могу ходить! Я снова хожу!

Кричащего окружила взволнованная толпа:

— Скажи, брат, как произошло это чудо?

— У меня украли машину!

●

Они были многие годы обручены. Наконец она набралась храбрости и спросила своего нареченного:

— Может быть, нам все-таки подумать о женитьбе?

— Боюсь, теперь нас таких старых никто и не возьмет...

●

— Господин директор, у меня есть предложение, благодаря которому фирма ежемесячно будет экономить определенную сумму.

— Вы что, решили уйти с работы?

●

Посетитель парка обращается к сторожу с вопросом:

— Вот здесь у вас написано, что за хождение по газонам штраф пять франков. Почему так мало?

— Потому что иначе никто бы по ним не ходил.

КРОКОДИЛ

№ 9 (2127)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, С. Кузьмин, Кукрыниксы, Е. Милутка, А. Скотаренко, Ю. Степанов, Ю. Черепанов, А. Чинарьков, Е. Шабельник.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 7/III 1975 г. А 00798. Подписано к печати 19/III 1975 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 507 080). Изд. № 771. Заказ № 365.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп. Индекс 70448

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕКсон

(По Маршаку)

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Пересказал Ник. ЭНТЕЛИС

Вот — дом,
Который построил ДЖЕКсон.

А вот — небылицы:
Немало их в темном чулане хранится.

А это — болтливая птица Синица,
Которая в клюве несет небылицы.

Вот — Кот. Он когтист:
Хозяин его — богатей-сионист.

Вот — Пес без хвоста:
Из будки берчистов, приятель Кота.

А это — Корова тащится сзади:
Пасется она в куклуксклановском стаде.

У этой косматой Старухи седой —
Заметное сходство с «Холодной войной».

А это — спесивый и толстый Профбосс,
Который в буржуя уже перерос.

Вот — натовских два Петуха-забияки:
Вояки жить не желают без драки.

Неймется обоим задирам крикливым,
Которые дружат с Профбоссом спесивым,
Который горой за Старуху косматую,
Которая ценит Корову рогатую,
Которая жалует Пса без хвоста,
Который давно почитает Кота,
Которого радует птица Синица,
Которая в клюве несет небылицы,
Которых немало в чулане хранится
В доме,
Который построил ДЖЕКсон.